

Оглавление

- Бахарлу Хади. Некоторые проблемы двуязычной терминологической лексикографии (на материале русско-персидского аэрокосмического словаря)
- Воробьева М.Е. Интерпретация юридических терминов в сфере обыденной коммуникации
- Головачева А.Е. Метафоры в научном тексте
- Громыхина А.А. Оценочный потенциал вторичных наименований как средство мониторинга региональной прессы
- Гулидова Е.Н. Лексико-грамматическая природа адвербиальных выражений (на примере темпоральных лексем в русском и французском языках)
- Ефименко Е.Ю. Русская терминосистема современных балльных европейских танцев
- Иванова Е.В. Профессиональное просторечие работников аффинажной промышленности
- Кобелева Г.Ю. Прогностическая способность концептуального анализа
- Кузнецова Т.Ю. К проблеме лексикографического описания наивных представлений о значении слова
- Майоров Г.В. Научные метафоры в лингвистике
- Маллалиев Г.Н. Лексема «рифма» в поэтическом творчестве А.С.Пушкина
- Муковоз А.С. Функциональные особенности употребления аллюзивного антропонима в публицистическом дискурсе
- Ольховская А.И. Проблема упорядочения ЛСВ многозначного слова в толковом словаре
- Пальшина Д.А. От редукции в речи – к лексикализации в языке (о единицах «сверхъядра» русской лексической системы)
- Попова Е.В. О семиотичности концепта «граница»
- Рожкова Е.В., Рындина Е.В. Лингвокультурные бинарные макроконцепты «созидание» и «разрушение» в диахронном аспекте
- Рожкова Е.В. Социолингвистический аспект изучения прозвищных онимов Буденновского района Ставропольского края
- Ряжских А.С. Концепт *форма* в философском дискурсе
- Трапезникова А.А. Ономастическое сознание современного имядателя (на материале эргонимии Красноярска)
- Черкасова А.А. К вопросу о соотношении билексемы и фразеологической единицы
- Шейхи Джоландан Нахид. О некоторых расхождениях в понимании русских и персидских аспектологических терминов

Западноевропейские заимствования в аэрокосмической лексике и в русском, и в персидском языке имеют больший вес, чем в общественно-политической: *радар* (*īrī rādār*), *навигация* (*Īnāvbari*), *турбина* (*ṭūrbīn*).

Калькирование русских соответствий является одним из самых продуктивных способов образования персидских аэрокосмических терминов. При калькировании заимствуются ассоциативное значение и структурная модель сложного слова или словосочетания, при этом компоненты заимствуемого сложного слова или словосочетания оформляются по нормам языка перевода: *камера сгорания* (*ī kḥī Ḥ mahfaze ehterāgh*), *свободный полет* (*āy ā ī. parvāze āzād*). Полукальки также являются одним из видов калькирования и тоже очень широко встречаются в аэрокосмической терминологии: *топливный насос* (*Ḥḥ . . pompe sookht*), *рычаг управления* (*ḤḥḤ īahrome hedāyat*).

Следует отметить, что при создании двуязычных русско-персидских терминологических словарей важную роль может играть язык-посредник. Так как существуют русско-английский и англо-русский аэрокосмический словарь и также англо-персидский словарь аэрокосмических терминов (см. указ. далее лит.), то можно переводить термины сначала с русского на английский, а затем с английского на персидский. Этот способ имеет свои недостатки (удлиняет процесс работы, предполагает, что составитель словаря владеет несколькими языками и нек. др.), но может быть хорошим подспорьем при отсутствии соответствующей лексикографической традиции.

Литература

Гринев С.В. Введение в терминологическую лексикографию. М., 1986.

Русско-английский аэрокосмический словарь: В 2 т. М., 1999.

Osul va zavābet-e vājegovzīni hamrāh bā šarh-o touzihāt (Основы перевода терминов). Тегеран, 1997 (1376).

Farhange novīne sanāe havāee (Современный англо-персидский словарь аэрокосмических терминов) / Отв. ред. А. Ханмохаммади. Тегеран, 1999 (1378).

Интерпретация юридических терминов в сфере обыденной коммуникации

Воробьева Марина Евгеньевна

Студентка Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия

Предметом настоящего исследования являлась правовая коммуникация, в частности, такой ее компонент, как юридические термины. Цель – выявление закономерностей интерпретации юридических терминов рядовыми носителями языка.

Под интерпретацией понимается целенаправленная когнитивная деятельность и одновременно результат в установлении смысла речевых действий. Результат может быть воспринимаемым внешне – в виде воспроизведения, истолкования – или исключительно внутренним – как понимание (уяснение «для себя»). Итогом интерпретации является смысл выражения – актуализированное речевое значение в рамках ситуационной ситуации.

В основе работы лежит гипотеза о неизбежной вариативности интерпретации юридических терминов рядовыми реципиентами. Множественность интерпретаций объясняется тем, что понимание юридических терминов включается в сферу обыденной герменевтики.

Конфликт интерпретаций законодателя и рядового реципиента состоит в том, что законодатель изначально стремится к максимальной однозначности текста, ориентируясь на значения слов, закрепленные в словаре; реципиент же, руководствуясь смыслом, может усмотреть несколько достаточно обоснованных вариантов толкования. Вероятность и степень коммуникативной неудачи между адресантом и адресатом в данном случае возрастает, так как «естественный язык используется для реализации специфического содержания коммуникации», изначально предполагающей однозначность восприятия, отсутствие множественности интерпретаций [Голев: 34].

Проблема множественности интерпретаций напрямую связана с вопросом о соотношении понятий «значение» и «смысл». Говоря словами Гумбольдта, «никто не принимает слов совершенно в одном и том же смысле, что и другой» [Гумбольдт: 118]. Вслед за Гумбольдтом Потебня указывал на существование в слове субъективного смыслового компонента: «дальнейшего» значения слова, включающего эмоциональные, чувственные, научно-познавательные признаки [Потебня: 51].

В «треугольнике Огдена-Ричардса» смысл, в отличие от «значения» (языкового употребления), характеризуется как субъективный образ, возникающий при понимании текста (речевое употребление). Смысл всегда ситуативен, связан с процессом понимания, поэтому помимо нормативного содержания значения, он определяется множеством иных факторов: ситуацией, самоопределением человека, его установками, ценностями, знаниями и многим другим [Демьянков: 62].

Таким образом, если значения лексем конвенциональны и в основном совпадают у всех носителей естественного языка, то смыслы могут различаться и по составу, и по содержанию, вследствие этого возникает потребность в изучении и описании особенностей адаптации юридических терминов в обыденном сознании рядовых носителей языка. Данная потребность также обусловлена отсутствием в теории права системного исследования особенностей обыденного толкования и недостаточным вниманием к процессам «обыденнизации» специальной лексики в лингвистике.

Закономерности «обыденнизации» юридических терминов были выявлены в результате экспериментального исследования. Испытуемым для интерпретации были предложены общезначимые юридические термины: гражданин, государство, беженец, таможня, собственность, после чего проводился семный анализ полученных толкований. Семы, выделенные при обыденном толковании, сопоставлялись с семами, присутствующими в определениях, зафиксированных в словаре юридических терминов.

В результате проведенного исследования можно выделить следующие особенности адаптации юридических терминов в обыденном сознании:

1) Многие признаки реально функционирующего значения в лексикографическом значении не отражены, и наоборот – некоторые признаки, вошедшие в лексикографическое описание, могут быть периферийными, то есть слабо отражаться или вообще не отражаться в сознании носителей языка;

2) Использование неспециализированной, общеупотребительной лексики (человек вместо лица, индивида; орган политической власти вместо элемента политической системы);

3) Употребление видовых понятий взамен родовых (закон и порядок взамен средств и мер принуждения; имущество / благо вместо средств и продуктов производства);

4) Редукция специфических юридических понятий в обыденном сознании рядовых носителей языка (правоспособность, правоотношений, публичная власть);

5) Степень сложности формальной организации при обыденном толковании выше, чем при толковании, данном в словаре юридических терминов, так как используются развернутые синтаксические конструкции вместо синтетических форм (человек, который был вынужден вместо человек, вынужденный).

Таким образом, для юридического толкования характерно воплощение в емкой структурной форме сложного содержания, что приводит к усложнению алгоритма понимания его смысла. При обыденном толковании происходит адаптация текста к условиям его восприятия менее осведомленными, чем сам законодатель, рядовыми носителями языка, для этого используются развернутые, описательные синтаксические конструкции, отражающие каждый элемент семантики в отдельности. Отсюда следует, что для обыденного сознания характерен элементаристский способ уяснения и интерпретации юридических терминов, то есть общий смысл выводится из простой

суммы составляющих элементов (сем). Данный способ противопоставлен холистическому, который предполагает целостное восприятие смысла.

Литература

Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999. С. 11-58.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 2000.

Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 58-67.

Потебня А.А. Мысль и язык. М., 1996.

Метафоры в научном тексте

Головачева Александра Евгеньевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Многие привычные для нас слова уже настолько утвердились в сознании, что мы не замечаем того, что они употребляются в переносном значении: «электрический ток», «часы идут», «теплые варежки». Мы мыслим и говорим тропами. Так как тропы – это приемы речи, состоящие в такой постановке слова в речевой контекст, при которой они приобретают новое значение, определяемое смыслом контекста, частично сохраняя при этом и собственное исходное значение [Волков: 265], невозможно представить без них какой-либо текст, особенно научный. Практически любая мысль требует пояснения, и троп становится средством раскрытия смысла. Чтобы создать новую идею и донести ее до окружающих, необходимо описать ее через то, с чем мы уже сталкивались в обычной жизни. Если идея ученого опирается на уже полученные знания о мире, больше вероятности, что ее поймут. Таким образом, в научном тексте встретится огромное количество различных метафор и сравнений. Среди других тропов метафора занимает центральное место, так как позволяет создать емкий образ, основанный на ярких, неожиданных ассоциациях. В основу метафоризации может быть положено сходство самых различных признаков предметов: цвета, формы, объема, назначения, положения и т. д.

Стимулом к более подробному изучению метафор в научных текстах стала вышедшая в 1962 году работа Макса Блэка «Models and Metaphors», благодаря которой историки, философы, социологи и критики науки последующие 30 лет искали в научной аргументации метафоры и именно через них объясняли научные теории и течения. Самым ярким таким исследованием стала работа Арбиба и Гессе «The Construction of Reality», где авторы заявляют, что «революции в науке – это революции в метафорах».

В своих исследованиях западные ученые объясняют преобладание метафор в научных текстах двумя причинами. Во-первых, при правильном определении значения той или иной метафоры становится ясной суть теории или эксперимента, а во-вторых, метафоры убедительны. [Fahnestock: 5]. Так Кекуле сравнил структуру молекулы бензола, бензольное кольцо, со змеей, поглощающей свой хвост; Резерфорд представил модель атома как солнечную систему в миниатюре; открыв явление электричества в XVIII в., физики долго колебались, как его представить: больше похоже оно на воду или на огонь, в результате чего наравне с термином «электрический ток» появился термин «электрический разряд». Харви назвал сердце насосом, явление теплоты Далтон ассоциировал с жидкостью, Ньютон сравнил отражающиеся частицы света с отскакивающими от стены теннисными мячиками, а звание «мозга» в научном мире XX в. удостоился компьютер. В каждом из этих случаев мы видим, как правильно подобранная метафора делает ту или иную идею, тот или иной термин доступным для широкого понимания.

Метафора – троп, основанный на подобии, признак которого характеризует предмет мысли. [Волков: 268]. Обнаружив одно такое подобие, пылливый ум ученого

начинает искать, какие еще признаки объединяют данные предметы и как это новое сходство можно применить к объекту исследования. Ричард Фейнман – американский физик-теоретик XX века, один из создателей квантовой электродинамики, в лекции 1960 года поднимает проблему «контроля и управления строением вещества в интервале очень малых размеров». Со временем эта проблематика получит название нанотехнологий. Здесь он также сравнивает компьютер с человеческим мозгом. Но его интересует не результат – способность компьютера, подобно человеку, «думать», производить какие-то вычислительные действия, а устройство компьютера, которое подобно человеческому мозгу. «Человек без труда воспринимает изображение или лицо другого человека, компьютеры пока способны лишь сопоставить два одинаковых изображения, т. е. микрокомпьютер, заложенный в наш мозг природой, легко справляется с задачей, совершенно непосильной для самых мощных современных вычислительных систем. Причина этого в том, что число логических элементов внутри нашей маленькой черепной коробки (выполненного из кости корпуса этого микрокомпьютера) значительно превышает число элементов в самых высококлассных современных компьютерах, имеющих внушительные размеры. Дело не в том, что существующие компьютеры слишком велики, а в том, что элементы мозга имеют микроскопические размеры, и это наводит меня на мысль о создании субмикроскопических элементов». [Фейнман: 4]. Таким образом, основной метафорой здесь является сравнение «мозг» – «микрокомпьютер», а дальше выстраивается аналогия: если компьютер подобен мозгу, а мозг работает продуктивней из-за размера его логических элементов, следовательно, для усовершенствования работы компьютера надо уменьшить размеры его логических элементов.

Итак, научный текст метафоричен, метафоры в нем используются для объяснения предлагаемых исследований, теорий и явлений. Также есть основания предполагать, что метафоры влияют на создание новых проектов в развитии науки.

Литература

Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2009.

Фейнман Р.Ф. Внизу полным-полно места: приглашение в новый мир физики: <http://www.zyvex.com/nanotech/feynman/html>

Fahnestock J. Figures in Science. New York, 1999.

Оценочный потенциал вторичных наименований как средство мониторинга региональной прессы

Громыхина Александра Александровна

Аспирантка Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия

Социально значимую информацию человек получает не только из непосредственного опыта, но и, преимущественно, из разнообразных печатных источников информации. Текстовое пространство региональной прессы при таком подходе должно рассматриваться не только как вторичная реальность, но и в качестве средства формирования картины мира. Названный аспект исследования при системном рассмотрении отражает существенные черты «экологической системы» информационного пространства региона как результата взаимодействия *языка, человека, сознания* человека и *окружающей среды*.

Данное исследование посвящено изучению вторичных номинаций имени *Волгоград* в региональной прессе как элемента системного мониторинга ее содержания, проводимого в рамках тематики ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009-2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367). Предметом изучения стала оценочная составляющая вторичных номинаций топонима *Волгоград*. Материал исследования - номинативные единицы разных типов, выявленные приемом сплошной выборки из печатных источников региональных текстов СМИ.

Будучи именем собственным, топоним *Волгоград* имеет одиночный и уникальный предмет обозначения и поэтому представляет ценность культуры. В отличие от обычных предметов географические объекты получают имена нескольких типов. А.В. Суперанская выделяет два типа наименования: «общие имена» и «индивидуальные названия» [Суперанская: 21]. Мы считаем неизбежным при назывании социально значимых объектов также третий тип - характеризующие вторичные номинации. Под вторичной номинацией мы понимаем слова и дескрипции, обладающие номинативной функцией, денотативным тождеством [Телия: 210] и сигнификативным различием с первичным именем.

По мнению ученых, вторичное наименование имени собственного представляет собой «обретение данным номинативным знаком стилистически маркированной знаковой репрезентации в контексте, определяющий выбор признака, лежащего в основе переименования» [Разумова: 10]. Действительно, автор публикации в СМИ, создавая вторичную номинацию объекта, сознательно приписывает ему ряд свойств и характеристик, обозначая знаковую ориентацию имени.

Анализ фактического материала нашего исследования показал, что оценочный потенциал вторичных номинаций может быть реализован разными способами.

1. Денотативная оценочность, выявляющаяся по шкале «*хороший / плохой*» или ее аналогов. В данных оценочных единицах оценочный компонент является частью денотативного значения в семантической структуре слова. Например, *великий город* – выдающийся город; *вкусный город* (*перен.*) – это город, имеющий приятный вкус; отрицательные: *бедный, грязный город*. Сформированные оценочные значения могут быть усилены за счет использования грамматической формы превосходной степени: *лучший город на земле, самый коррумпированный регион России*

2. Коннотативная оценочность. Этот тип оценочности индуцируется контекстом, который может быть как широким (например, номинация *одна большая новостройка* приобретает противоположные по знаку оценки в различных текстах), так и максимально узким – вплоть до словосочетания (*светлый город для светлых людей*). Маркерами оценочности могут выступать аналитические компоненты (модальные слова, наречия меры и степени), которые, как отмечает Е.М. Вольф, «актуализируют признаковые семы, создавая оценочность высказывания, если имеется оценочный смысл в картине мира носителей языка» [Вольф: 5-7]. Например, для нас это *не просто* «точка на карте; *далеко не* самый проблемный город; *наша только теоретически* богатая область.

3. Имплицитная оценка. Это вторичные номинации, которые, по словам И.В. Крюковой, репрезентируют прагматическую оценку, что возможно при пересечении психосоциальных исходных ценностных представлений читателя и автора газетной публикации. Среди данных представлений актуальными для современного общества являются такие обобщенные значения, как общечеловеческие универсальные ценности, релевантные для всех носителей языка, и функциональные ценности, образующиеся прямыми выгодами наличия данного объекта. К первым относятся темы дома (*наш общий дом, моя маленькая родина*), принадлежности к своим / чужим, свободы (*волгоградские просторы, большой город на большой реке*), красоты (*прекрасный, замечательный, удивительный край*) и тематической области с эмоциональной доминантой (*близкий сердцу город; город любви, тепла и света*). Ко вторым – предметные области «центр» среди других объектов (*оазис среди степей, главные ворота на юг России*), «место славы» (*запоминающийся город*), «промышленный регион» (*город-труженик*).

Особую ценность для прессы Волгограда представляет военная тематика, выраженная в реализации значений «город - защитник» (защита южных рубежей России в царицынскую эпоху и победа в Сталинградской битве). Отсюда амбивалентные лексемы *воин, комбат, крепость* в номинациях *город-комбат, город-воин, царицынская крепость* приобретают положительную оценку.

Данные количественного анализа номинаций разных типов оценочности показали, что с наибольшей частотностью во вторичных номинациях имени города оценка

выражена имплицитно (76,5%). Она реализуется за счет репрезентации ценностных приоритетов общечеловеческого, прагматического и регионального характера. Особенности языкового выражения понятий о городе приводят к выводу, что вторичные номинации как прагматически направленные единицы обладают большим оценочным потенциалом и являются мощным стимулом в формировании образа города в региональной прессе.

Литература

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.

Разумова Л.В. Стилистические аспекты вторичной номинации имен собственных в структуре художественного текста. Челябинск, 2002.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1985.

Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977. С. 129-222.

Лексико-грамматическая природа адвербиальных выражений (на примере темпоральных лексем в русском и французском языках)

Гулидова Екатерина Николаевна

Студентка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва

Проблема адвербиальных выражений, затронутая в данной работе, представляется нам актуальной, поскольку наречие остается одним из самых спорных грамматических классов, выделяемых в языке. До сих пор нет единого мнения о том, какие единицы считать наречиями, а какие – нет. К тому же, это один из наименее описанных классов, и работ, посвященных наречию и адвербиальным выражениям, не так много. Наконец, существует проблема перевода. Таким образом, наша тема актуальна и в аспекте преподавания русского языка во французской аудитории и французского языка – в русской.

Адвербиальные выражения (далее - АВ) определяются В.Г.Гаком как «словосочетания, представляющие собой транспозицию слов других частей речи». [Гак: 423] Образование наречных выражений (*locutions adverbiales*) является продуктивным процессом в современном французском языке. В русском языке аналогом адвербиальных выражений служат наречия, образованные лексико-синтаксическим способом (*без устали, без конца, вдвое*).

Лексико-грамматическая природа АВ противоречива и остается предметом обсуждения, поскольку во французском языке нет четких границ между сложным словом и словосочетанием. В качестве критериев полной лексикализации этих выражений, их превращения в сложное наречие В.Г.Гаком выделяются следующие:

1) Неупотребление существительного вне данного речения: *d'emblée - сразу, нечаянно, par mégarde - ненарочно; невзначай (mégarde – устар. недосмотр, невнимательность)*;

2) Формальная слитность компонентов, невозможность включить посторонний элемент. Ср.: *sans cesse – без остановки (loc.adv.)* и *sans peine – без труда* (можно сказать *sans aucune peine – без какого-либо труда*);

3) Семантическая нерасчленимость, соответствие отдельному слову, одному понятию: *tout à coup – subitement (внезапно), sans cesse – incessamment (безостановочно)*.

По сути, В.Г.Гака волнует проблема степени идиоматичности АВ. При разграничении сложных наречий и наречных выражений в качестве основного критерия В.Г.Гак предлагает использовать формальный: слитное и полуслитное написание наречий и раздельное написание АВ.

Мы проанализировали выделенные критерии, сделав акцент на проблеме разграничения наречных и не наречных выражений (словосочетаний).

Первый критерий, как отмечает В.Г.Гак, удовлетворяет только выражениям, включающим существительные, поэтому его нельзя рассматривать как единый и, следовательно, системный.

Что касается второго критерия, то в приведенном примере существительное *cesse* (*f*), образованное от глагола *cesser* (*прекращать, останавливать*), в современном французском языке употребляется только в определенных устойчивых сочетаниях, одним из которых является АВ *sans cesse*. Поэтому данный пример логичнее было бы отнести к первому критерию. Еще одной особенностью предложно-именной группы, в отличие от наречного выражения, является возможность употребления существительного с другими предлогами: *sans peine* – *без труда*, *avec peine* – *с трудом*.

Сравнивая примеры *par bonheur* – *к счастью* и *par plaisir* – *ради развлечения* и применяя формальный критерий, мы относим первое сочетание к АВ, а второе – нет (ср.: *par pur plaisir* – *‘из чистого развлечения’, чисто ради забавы*). Словосочетание *par plaisir* имеет синонимичные ему сочетания с другими предлогами: *pour le plaisir* (*‘для удовольствия’*), *pour son plaisir* (*‘для собственного удовольствия’*), АВ *par bonheur* их не имеет и переводится на русский язык идиоматично, в отличие от словосочетаний (*par bonheur* – * из счастья).

Важно отметить, что этот критерий также не является универсальным. Он подходит для сочетаний, включающих существительные, но не применим к выражениям, в состав которых входят другие части речи, например, наречия: ср. АВ *ê jamais* – 1) *никогда в жизни*; 2) *навсегда, навек*; можно сказать и *ê tout jamais* (*loc.adv.*), где *tout* – наречие с усилительным значением.

По поводу третьего критерия заметим, что понятия «семантическая нерасчлененность» и «соответствие отдельному слову» не одно и то же. Соответствие отдельному слову вовсе не является характерным показателем «слитности» выражения, существует множество контрпримеров: *chaque année* (*‘каждый год’*) – *annuellement* (*ежегодно*), *en même temps* (*‘в то же время’*) – *simultanément* (*одновременно*) и др. Семантическая нерасчлененность связана с выделяемым нами критерием утраты лексического значения существительным: выражение становится семантически цельным, в нем невозможно выделить отдельные слова (части речи) без искажения или утраты смысла. Например: *à tout bout de champ* – *поминутно, то и дело* (*‘в каждом конце поля’*), *la petite semaine* – *постепенно; изо дня в день* (*‘в маленькую неделю’*).

Подводя итоги, выделим следующие признаки АВ:

1) Неизменяемость. АВ – это неизменяемые, устойчиво воспроизводимые сочетания. Существуют также выражения, в которых исторически закрепились вариативность (например, вариативность артикля), которую не следует путать с изменяемостью: *au/à la va-vite* – *наспех, на скорую руку*.

2) Идиоматичность значения, семантическая нерасчлененность выражения; утрата привычного лексического значения входящими в него элементами: *sur-le-champ* – *немедленно, тотчас же* (*‘на поле’*).

3) Утрата грамматических характеристик и традиционных синтагматических свойств у слов – компонентов наречного выражения. Особенно это касается выражений, в состав которых входят прилагательные (*de nouveau* – *снова*), числительные (*en deux* – *надвое*) и глаголы (*sans tarder* – *не мешкая*), все они употребляются с предлогами в данных выражениях.

4) Полуслитное (дефисное) и раздельное написание: *sur-le-champ* – *немедленно, tout à coup* – *внезапно*.

5) Синтаксическая функция обстоятельства (при глаголах и наречиях) и определения (при существительных).

Литература

Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2004.

Русская терминосистема современных бальных европейских танцев

Ефименко Екатерина Юрьевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Данная работа посвящена изучению и описанию лексико-семантических, коммуникативных, этимологических и культурологических особенностей русской терминологии современных бальных европейских танцев (вальс, венский вальс, танго, фокстрот, квикстеп) на материале исконной и заимствованной лексики в русской танцевальной терминосистеме.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной разработкой изучения терминологии танца в современной науке (см. [Карапетьян]).

На основе кодифицированных терминов можно создать два словаря. Один словарь должен содержать непосредственно основные названия элементов и фигур («поворот» (Turn), «дрэг» (Drag), «импетус» (Impetus), «хезитейшн» (Hesitation) и т. п.), а другой словарь должен состоять из уточняющих определений («левый» (Reverse), «правый» (Natural), «назад» (Back), «вперед» (Forward), «с правой ноги» (Right Foot), «с левой ноги» (Left Foot), «контр(а)» (Contra) – то есть в обратную сторону, «наружный» (Outside) и др.). Система современных бальных европейских танцев формируется путем соединения этих двух словарей – наложения уточняющих определений на различные базовые термины, их разнообразные комбинации, и, кроме того, соединение некоторых основных терминов между собой.

Кроме того, пополнение системы терминов происходит благодаря соединению «основных» терминов между собой и образованию таким образом новых «составных» терминов – «кросс шассе» (Cross Chasse), «ховер телемарк» (Hover Telemark), «дрэг хезитэйшн» (Drag Hesitation) и т. п. Таким образом, система современных бальных европейских танцев достаточно замкнутая – редко новые термины в нее привносятся извне.

В понятийной области терминосистемы современных европейских бальных танцев преобладают отдельные элементы (около 37%) – кик (Kick), лок-шаг (Lock Step), пивот (Pivot), твист (Twist), спин (Spin) и др. Для танцевальной терминосистемы это логично и наиболее приемлемо – зачем придумывать названия для сложных фигур, состоящих из различных движений, если есть несколько элементов, которые можно по-разному комбинировать и получать множество разнообразных фигур и соединений.

В отличие от современных уличных и клубных танцев терминосистема современных европейских бальных танцев основана на технических терминах, которые сами, в своей лексической форме отражают суть движения, которое они обозначают («поворот» (Turn), «пивот» (Pivot), «шассе» (Chasse), «оверсвай» (Oversway), «рок» (Rock) и мн. др.).

Такое количество «технических» терминов вполне обоснованно – в бальных танцах (особенно европейских) терминосистема создавалась не стихийно сама собой, а «сверху» – ее придумывали профессионалы, чтобы терминосистему можно было использовать на соревнованиях, чтобы она была понятна танцорам всех национальностей. Поэтому названия элементов и движений должны были отражать суть этих движений, чтобы между разными танцорами не было непонимания и разногласий.

Хотя в основном термины в системе бальных европейских танцев «технические», некоторая часть «образных» терминов, созданных по модели метафоризации, в ней тоже присутствуют («типсл» (Tipple) – литься потоком, «типси» (Tippy) – подвыпивший, «зигзаг» (Zigzag), «В6» (V6), «крыло» (Wing), «перо» (Feather) и др.). В основном, ассоциация создается на основе схожести той траектории, которую танцоры «проводят» на паркете. То есть «перо» – это название движения, при котором танцоры движутся по дуге, напоминающей перо.

Вся терминосистема современных бальных европейских танцев составлена на английском языке. И русская терминосистема заимствовала английскую систему, какие-то термины были переведены на русский, какие-то просто транскрибированы. Этому есть несколько причин. Во-первых, терминосистема бальных танцев ориентирована на межнациональное существование этого вида спорта, то есть русских танцоров (как и танцоров других стран) изначально готовят к тому, что они будут учиться в том числе у иностранных тренеров, будут участвовать в международных соревнованиях, где вся терминология английская, поэтому при обучении сразу используется английская терминосистема. А во-вторых, бальные танцы в России имеют не столь глубокую историю – до середины XX века они не приветствовались в СССР. Поэтому почти все русские термины взяты из иностранных учебников, которые были переведены на русский язык. Но уже заметна тенденция при обучении бальным танцам отдавать предпочтение русским терминам – эквивалентам английских, несмотря на их видимую сложность и громоздкость – английские термины употребляются в 27% случаев, а русские эквиваленты – в 45% случаев, что говорит о том, что русская терминосистема развивается в сторону собственных терминов (хотя бы переводов). Подробно представлен и переходный вариант употребления терминов – сочетание английского и русского терминов. Чаще всего на русском языке дано уточняющее определение или одна из частей составного термина (объединяющего в себе два термина-элемента), а на английском – собственно сам элемент или фигура (таких сочетаний разноязычных терминов – около 24%: проходящий оверсвэй (Throwaway Oversway), рок на правой ноге (Rock on Right Foot), фоллауэй правый поворот (Fallaway Natural Turn) и т. п.

Литература

Карпетьян А.Э. Терминосистема танца в английском и русском языках: лексико-семантический и лингвокультурный аспекты. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2008.

Профессиональное просторечие работников аффинажной промышленности

Иванова Елена Владимировна

Аспирантка Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

Важной задачей современной лингвистики является выявление особенностей профессионального просторечия работников различных ремесел, промыслов и производств. В настоящем исследовании эта задача решается на материале профессионального просторечия работников аффинажной промышленности. Источником исследования являются данные картотеки, собранной путем анкетирования и структурированных интервью работников Красноярского завода цветных металлов и золота имени В.Н. Гулидова.

В настоящий момент в филологической науке не выработано четкого определения профессионального просторечия. Вопрос о его сущности и границах функционирования становится все более актуальным.

Профессиональное просторечие является особой функциональной разновидностью профессионального подязыка. В отечественной и зарубежной лингвистике понятие подязыка рассматривается в рамках теории LSP (language for specific purposes). Потребности международного общения и необходимость обучения специалистов привели к признанию термина «language for specific purposes» (фр. Langue de Specialite, нем. Fachsprache) в отличие от «language in general» [Гвишиани: 218-219]. В.П. Даниленко отмечает интерес к языку профессиональной сферы общения как к феномену в англо-, германо- и славяноязычной лингвистике и предлагает снять терминологические противоречия, указывая, что понятиям languages for special purposes (LSP) — в англоамериканской литературе, Fachsprachen - в германоязычной литературе соответствуют русскоязычные понятия «язык для специальных целей», «ЯСЦ» (от LSP), уже существовали номинации «специальный язык», «специальная речь»,

«профессиональный язык» [Даниленко: 235–236]. В зарубежной лингвистике теория LSP разрабатывалась, в частности, в работах Р. Маккея (Maskau 1975), Д. Кристала и Д. Дэви (Crystal, Davy 1969), которые использовали понятие «подъязыки» и определяли их как «ограниченные языки» (limited languages). Х. Сейгер (Juan Sager) определяет LSP следующим образом: «специальные языки являются полуавтономными комплексными семиотическими системами, основанными на общем языке и производными от него, их использование предполагает специальное образование и ограничено коммуникацией между специалистами в одной и той же или близких областях знания» [Sager: 196]. Х. Сейгер и Л. Дрозд видят основную цель LSP в передаче специальных знаний и рассматривают LSP как язык, ориентированный на экономию средств выражения, что находит отражение на лексическом и синтаксическом уровнях.

Профессиональное просторечие обслуживает неофициальное профессиональное общение работников той или иной отрасли. Основной единицей профессионального просторечия является профессионализм, то есть некодифицированное специальное наименование

Предметом настоящего исследования являются профессионализмы работников аффинажной промышленности. В научной литературе существуют три точки зрения на профессионализмы: а) отождествление их с терминами; б) диахроническое разграничение, относящее профессионализмы к единицам ремесленной лексики, сложившейся и функционировавшей в основном в период Средневековья (это препятствует изучению исторического развития специальной лексики, ставя барьер между архаической профессиональной лексикой ремесел и современной терминологией); в) выдвигание в качестве критериев разграничения свойственных профессионализмам ненормированности употребления и функционально-стилевой ограниченности употребления в устной речи профессионалов в неформальной обстановке, к которым добавляется и третий критерий – наличие эмоционально-экспрессивной коннотации [Гринев-Гриневиц: 45]. Мы придерживаемся последней точки зрения.

В профессиональном просторечии работников аффинажной промышленности на основании общности языковых реалий выделяется ряд тематических групп:

1. Наименование специальных построек и помещений (*золотая* – «лабораторная комната, где происходит анализ золота»; *плавилка* – «плавильное отделение» и т.д.).
2. Наименование лиц по роду деятельности и профессии (*валенки* – «плавильщики»; *болотный металлург* – «аппаратчик»; *плавилка* – «плавильщик» и т.д.).
3. Наименование приспособлений и устройств специального назначения, (*горшок* – «тигель печи для плавки золота»; *дирижабль* – «кран» и т.д.)
4. Наименование сырья, побочных и готовых продуктов (*мука* – «концентраты драгоценных металлов в виде порошка, расфасованные в мешки»; *ювелирка* – «ювелирный лом; брак с ювелирного производства»; *трюфель* – «слиток золота размером и формой напоминающие конфету трюфель» и т.д.).

В основе своей профессионализмы являются стилистическими синонимами соответствующих терминов, например: *подушка* – пирометр; *тачанка* – электропогрузчик.

Часто в структуру лексического значения профессионализма входит оценочная коннотация, например: *негры* – «шутливое обращение к аппаратчикам»; *золотишко* – «слитки золота».

Нам представляется важным дальнейшее изучение профессиональной лексики в свете лингвистической теории эмоций. Перспективным является также исследование профессиональной языковой картины мира работников аффинажной промышленности, выявление особенностей метафорического терминообразования в русских языках для специальных целей. Результаты таких исследований могут иметь значение для фундаментального изучения связи языка, сознания и культуры.

Литература

Гвишиани Н.Б. Язык научного общения. Вопросы методологии. М., 1986.

Гринева-Гринева С. В. Терминоведение. М., 2008.

Даниленко В. П. Язык для специальных целей. М., 1996.

Сейгер, Дж. К. Критерии оценки функциональной эффективности терминов // Теоретические и методологические вопросы терминологии. Международный симпозиум. Москва, 1981.

Прогностическая способность концептуального анализа

Кобелева Галина Юрьевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Концептуальный анализ был разработан Л.О. Чернейко на базе идей, изложенных в трудах Н.Д. Арутюновой, В.А. Успенского, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Ю.Д. Апресяна. Суть этого метода заключается в исследовании метафорической сочетаемости слов абстрактной семантики в первую очередь с глаголами физического действия и дескриптивными прилагательными, в результате которого выявляются имплицитные «чувственные» образы абстрактных сущностей, определяющие синтагматические свойства их имен. Например, сочетания *болезни нападают, болезни атакуют, болезни сражают наповал* позволяют вывести имплицитный образ ‘враг, противник’, так как именно эти слова, по данным толковых словарей, обычно заполняют субъектную валентность глаголов *нападать, атаковать, сражать*. В связи с этим названные метафорические выражения могут быть отнесены к одному и тому же семантическому коду (в нашей терминологии – милитари-коду). Одним из достоинств метода является его способность на основании выявленных образов предсказывать новые возможные сочетания, то есть на основании стертых, или «мертвых» (по Ш. Балли), метафор прогнозировать «креативные» (по В.П. Москвину), или «живые» (по Ш. Балли). Для верификации таких предположений, благодаря современным технологиям, достаточно нескольких секунд. Для этого необходимо лишь задать предполагаемое сочетание в поисковую систему типа Google.

В результате концептуального анализа, проведенного на материале газет, журналов и устной речи, были смоделированы основные коды, через которые оречевляются феномены *болезнь* и *здоровье*. Наиболее частотными среди них оказались антропоморфный код и милитари-код.

Антропоморфная метафора *здоровья* и *болезни* строится на сопоставлении с человеком. В качестве примеров стертых и «ослабленных» метафор приведем такие предикаты: *Здоровье ушло, вернулось, требует внимания и заботы, подводит, капризничает, шалит. Ему вредят* или его *лелеют, пытаются оживить или губят* его. *Болезни приходят, навдываются, напоминают о себе, надоедают, боятся холода, молодеют, любят тучных людей.*

Язык продолжил разрабатывать эту тематическую сферу, уподобляя *болезнь* и *здоровье* человеку по все большему числу параметров. Как и все люди, *болезнь* и *здоровье* могут двигаться, расти и умирать; в их «организмах» протекают многие физиологические процессы; они наделены даром речи и зрения и вполне разумны, чтобы самостоятельно принимать решения и действовать; обладают собственным, достаточно непростым характером; испытывают различные эмоции и чувства.

Нижеследующие метафоры, вначале спрогнозированные, а затем найденные в Интернете, подтверждают нашу догадку: *Здоровье питается положительными эмоциями; умоляет плюнуть на моду; просит поездки на юг; решило меня развлекать, видимо, стараясь разбавить скучные будни; отказалось сослужить последнюю на сегодня службу. Аналогично и с субстантивом *болезнь*: *Детская болезнь «повзрослела»; растет вместе с сыном; питается вниманием к ней; еще «спит»; уже проснулась; приспосабливается к любым условиям; смотрит вам в глаза и говорит: «Я пришла!»; молчала 20 лет; просит тепла; «кричит» о себе через симптомы и синдромы; думает**

иначе; «видит», что на нее никто не обращает внимания и «убирается» восвояси; требуется понимания; отменила мою диету; играет в прятки. Как видим, все метафоры кажутся весьма непривычными. Однако если языковая интуиция отдельных русских людей допускает их, вероятно, со временем подобные фразы будут встречаться чаще.

Милитари-код – в данном случае процесс заболевания уподобляется войне. Эта метафорическая модель получила наибольшее распространение в речи и стала, по числу единиц-носителей образа, самой развернутой. «Метафорическая развертка» (термин В.П. Москвина) ее чрезвычайно многочисленная и разнообразная. Болезнь предстает в образе жестокого, коварного, безжалостного ‘врага’, который наступает, атакует, нападает, настигает, одолевает, сражает наповал, связывает по рукам и ногам, мучает, заставляет страдать, ослабляет, выбивает из строя, калечит, уродует, истребляет города. А здоровье осмысливается либо как захваченная ‘территория’ – родина больного (Я отвоевал свое здоровье; Я буду сражаться за свое здоровье до конца), либо как ‘победитель’ (Здоровье победило!). Защитные силы организма воспринимаются как ‘армия’, охраняющая здоровье, а средства лечения как ‘военные орудия’: Войска, стоящие на страже рубежей нашего здоровья, называются иммунитетом; Бдительное воинство иммунной системы становится первой линией обороны против микробов и вирусов; Когда численность вражеского войска велика и воины противника очень сильны, защитнику нашего здоровья требуется подкрепление; Гастал – ваше новое секретное оружие.

Вышеназванные глаголы были найдены в газетах и журналах, а наличие следующих примеров было предвосхищено нами: Не вступайте в союз с болезнью; После битвы с болезнью или в ходе «тактических учений» при вакцинации; Место дислокации болезни; Эта болезнь – признанный убийца иммунной системы; Болезнь подчиняла себе организм, завоевывая его несколько месяцев или растягивая подрывную деятельность на годы; Против болезни медицина бросила гвардию клеток-спасателей, запрограммированных на обнаружение и уничтожение раковых клеток... Армия за армией они бросались в бой, и не щадя живота своего уничтожали отщепенцев организма... Экран монитора показывал поле битвы – мозг; Все больше бастионов – мозговых центров – пало.

Таким образом, мы продемонстрировали, что концептуальный анализ обладает достаточно высокой прогностической способностью и может быть полезен для дальнейших исследований русской языковой картины мира.

Литература

Балли Ш. Французская стилистика. М., 2001.

Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. М., 2007.

К проблеме лексикографического описания наивных представлений о значении слова

Кузнецова Татьяна Юрьевна

Аспирантка Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия

В современной лингвистической науке далеко не нова мысль о необходимости лексикографической репрезентации обыденных представлений о значении слова. Изучение особого пласта знаний о языке, так до сих пор и не получивших единого терминологического обозначения, способствовало возникновению различных концепций, дискуссий. Но неизменным остается положение, согласно которому исследование обыденных знаний должно привести к некому логическому завершению, т. е. к «попытке словарного описания рассматриваемого материала» [Николина, Шумарина: 131]. Любой метаязыковой комментарий к слову представляет собой своеобразную словарную статью. Все это позволяет исследователям-лингвистам ставить вопрос о существовании наивной лексикографии.

И.А. Стерниным была четко обозначена лингвистическая проблема: разграничение двух типов значений – «лексикографического», представленного в толковых словарях, и «психологически реального» значения. «Лексикографическое» значение слова противопоставлено «психологически реальному», которое реально связано с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» [Стернин: 180]. Таким образом, если существует лексикографическое описание значения, «сформулированное специально для представления слова в толковых словарях» [Там же: 180], то уместно рассматривать «психологически реальное» значение, но уже в рамках другого типа словаря.

Степень «похожести научного лексикографического описания и обыденного объяснения слова несомненна, хотя безусловно и различие, поскольку теоретическая лексикография сформулировала достаточно жесткие требования, предъявляемые к описанию семантики слова в словаре» [Вепрева: 56]. Так, в предлагаемых для обсуждения вопросах будут обозначены лишь некоторые отличия репрезентаций двух типов значений.

1. Объем информации о значении слова.

Как отмечает И.А. Стернин, «лексикографическое значение в большинстве случаев оказывается недостаточным для описания реального функционирования слова в речи, оно оказывается меньше по объему реального значения, существующего в сознании носителей языка» [Стернин: 180]. Так, слово *шкаф* в обыденном толковании приобретает дополнительное, переносное значение, которое отсутствуют в лексикографическом описании. *Шкаф* – «большой широкоплечий человек. Ср. *Шкаф* – 1. предмет мебели, род большого стоячего ящика с дверцами, служащего для хранения чего-либо; 2. специальное устройство в виде закрывающегося ящика для сушки, готовки [СРЯ].

2. Способы описания значений.

Несомненный интерес могут представлять случаи толкования слова говорящими через образные средства языка (чаще встречаются метафоры). Например, *зеркало* – «зеркало души (о глазах)». *Книга* – «источник знаний», «дверь в удивительный мир», «хранит все знания разных времен». *Дождь* – «слезы с неба». *Снег* – «летающий с неба узор». Значение аналогичных слов в толковых словарях раскрывается через семантическое определение, т. е. через выявление общего родового понятия и частотных признаков. Ср.: *Береза* – «лиственное дерево с белой корой» [ССРЯ]. *Береза* – «лиственное дерево с белой корой и сердцевидными листьями» [СРЯ].

3. Различие в подходах к определению значения слова.

Задача лексикографов – дать описание словарного состава языка, отражающее объективное представление о слове. В обыденных представлениях говорящий нередко склонен к субъективному «прочтению», которое сопровождается эмоциональной реакцией на слово. *Деньги* – «зло; мера, превращенная меркантильным человечеством во что-то великое и очень ценное». *Одежда* – «первоначально – этическая составляющая облика человека, со временем возведенная в культ».

4. Различие в характере актуализации смысловых компонентов при процедуре лексикографического и обыденного толкований.

Слово, как известно, содержит комплекс смысловых компонентов, которые актуализируются в процессе его функционирования, в том числе толкования. Согласно нашим наблюдениям, характер актуализации этих компонентов в разных типах толкования может существенно различаться. Так, 58 % опрошенных в ходе психолингвистического эксперимента при толковании значения слова *подорожник* устанавливают связь растения с жизнедеятельностью человека, приписывая ему лекарственное свойство: «целебное растение, помогает остановить кровь, растет у дороги»; «растение, обладающее целебными свойствами, растущее вдоль дороги». Такое описание получает «психологически реальное» значение в сознании носителей языка. «Лексикографическое» же значение, выделяемую говорящими сему с признаком «исцеления» при травмах, исключает. Значимыми оказываются совершенно другие признаки: форма, место произрастания. Ср.: *Подорожник* – «луговая трава с широкими

листьями и мелкими цветками в соцветиях в виде колоса, растущая преимущественно около дорог» [ССРЯ]. *Подорожник* – «сорная луговая, обычно придорожная, трава с мелкими цветками, собранными в колос [СРЯ].

Таким образом, имеются определенные предпосылки для лексикографического описания наивных представлений о значении слова.

Литература

[СРЯ] – Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. М., 1982.

[ССРЯ] – Словарь современного русского языка / Под ред. А.П. Евгенъевой. М., 1999.

Вепрева И.Т. О некоторых особенностях наивной лексикографии // *Русский язык сегодня: проблемы русской лексикографии*. Вып. 3. М., 2004. С. 55-64.

Николина Н.А., Шумарина М.Р. Лексикографическая репрезентация обыденного метаязыкового сознания // *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты*. Кемерово, 2009. С. 131-138.

Стернин И.А. Концепт, «психологически реальное» и «лексикографическое» значение // *Язык и история: Международный сборник научных трудов*. Глазов, 2005. С. 179-183.

Научные метафоры в лингвистике

Майоров Георгий Владимирович

Аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Развитие науки и философии в XX-XXI вв. шло таким путем, который привел к кардинальному пересмотру традиционных представлений о целях, задачах, средствах и методах научного исследования, переосмыслению фундаментальных принципов научной деятельности. Двумя основными причинами этого стали кризис в естественных науках, показавший важность роли наблюдателя, субъекта познания в эмпирическом исследовании, и общее повышение интереса к вопросам познания. Последнее стало возможным во многом благодаря возникновению в последнюю четверть XIX в. экспериментальной психологии [Солсо: 38-40], заложившей основы для научного изучения мышления и познавательной деятельности человека – феноменов, которые в предыдущие эпохи считались предметом преимущественно умозрительного философского рассуждения. К середине XX в. взаимодействие различных дисциплин, затрагивающих проблему познания (психологии, лингвистики, информатики, антропологии, психиатрии и др.), а также прогресс в области информационных технологий создали необходимые условия для формирования когнитивной науки – междисциплинарной парадигмы, ориентированной на всестороннее изучение человеческого интеллекта и связанных с ним феноменов [Кубрякова и др.: 70-71].

С точки зрения когнитивного подхода, научный тип познания не сводится исключительно к рациональному мышлению, в основе которого лежит логическое рассуждение. Будучи продуктом когнитивной эволюции человека, научное познание «не отделено какой-то абсолютно непреодолимой гранью от познания обыденного» [Меркулов: 303] и использует те же механизмы и мыслительные стратегии. Опираясь на данные анализа обыденной речи, исследователи Дж. Лакофф и М. Джонсон выявили и описали феномен концептуальной метафоры – базового когнитивного процесса, проявляющегося в лексической сочетаемости слов [Лакофф, Джонсон]. Авторы выдвинули гипотезу о том, что вся обыденная понятийная система человека построена на метафорических основаниях, а не на принципах классической теории категорий, восходящей к Аристотелю. Дальнейшие исследования показали, что концептуальные метафоры, вопреки традиционным представлениям, так же активно используются и в научных теориях [Fernandez-Duque, Johnson].

Как отмечает Л.О. Чернейко, концептуальные метафоры, выводимые из лексической сочетаемости терминов в научном тексте, выражают синтетический взгляд исследователя на свой объект, его научное мировоззрение [Чернейко: 23-25]. Эти

метафорические образы могут не только дополнять понятийную информацию, эксплицитно выраженную в дефинициях терминов и буквальных формулировках, но и приходиться в противоречие с ними, так как они далеко не всегда используются сознательно. Однако даже и в случае неосознанного употребления метафоры (например, в соответствии со сложившейся научной традицией) она способна оказывать влияние на ход рассуждения исследователя, особенно в дисциплинах, изучающих ненаблюдаемые явления [Fernandez-Duque, Johnson: 153], поскольку в форме концептуальных метафор находят выражение интуитивные гипотезы об объекте исследования [Чернейко: 24-25].

Сказанное выше справедливо по отношению к науке о языке: яркими примерами концептуальных метафор являются биологическая метафора Гумбольдта, шахматная метафора Соссюра или механистическая метафора структурной лингвистики. Во всех этих случаях метафоры представляют собой гипотезы о сущности и свойствах языка, лежащие в основе соответствующих концепций. Как представляется, причина столь заметной роли, которую играют концептуальные метафоры в лингвистике, не только в том, что естественный язык по своей природе не доступен во всей полноте непосредственному наблюдению, но и в том, что благодаря своей уникальности он обладает частичным сходством с явлениями разных классов (орудиями, объектами живой и неживой природы, психическими явлениями и т. д.). На основании этого сходства может происходить метафорическое уподобление языка соответствующим феноменам.

В связи с этим интерес представляют случаи метафорического использования терминов других наук применительно к объектам лингвистики. Такие метафоры, которые можно назвать научными, не просто уподобляют язык или его элементы объектам другого порядка, но и помещают его в контекст иной дисциплины, тем самым открывая возможность для метафорических проекций исследовательских принципов или методов из другой области. Научные метафоры, таким образом, представляют собой род междисциплинарного взаимодействия, однако не на рационально-логическом, а на интуитивном уровне. Их существование служит дополнительным подтверждением тезиса о важной роли концептуальных метафор в научном исследовании: объект исследования настолько глубоко осмысливается посредством метафоры, что он требует тех же исследовательских процедур, какие применимы к его метафорическому прообразу.

В качестве примеров научных метафор в лингвистике можно привести такие контексты, как *слово есть двучленная величина* у А.А. Потебни (математика), *формула строения слова* у А.И. Смирницкого (химия) или *операции над целостными знаками* у В.Б. Касевича (математическая логика). Как представляется, научные метафоры могут рассматриваться не только в ряду других концептуальных метафор, характеризующих ту или иную лингвистическую (и не только) теорию, но и с точки зрения изучения взаимодействия и взаимного влияния различных научных дисциплин.

Литература

- Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
Меркулов И.П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). СПб., 2006. Т. 2.
Солсо Р. Когнитивная психология. М., 1996.
Чернейко Л.О. Метафизика и поэтика в научном идиолекте // Филологические науки. 2009. № 3. С. 15-25.
Fernandez-Duque D., Johnson M. Cause and Effect Theories of Attention: The Role of Conceptual Metaphors // Review of General Psychology. 2002. Vol. 6. № 2. P. 153-165.

Лексема «рифма» в поэтическом творчестве А.С.Пушкина

Маллалиев Гюлахмед Нуралиевич

Молодой ученый, Дагестанский государственный педагогический университет,
Махачкала, Россия

Рифма А.С.Пушкина в литературоведении изучена достаточно обстоятельно: она становилась предметом научного анализа в трудах В. Брюсова, Б. Ярхо, В. Жирмунского, М. Гаспарова, Д. Самойлова и др. Однако работ, посвященных изучению такой важной лексической единицы пушкинского словаря, как *рифма*, нет. Лексема *рифма* у Пушкина – явление сложное и полисемантическое: помимо своего узуального значения, она обладает широким спектром семантико-стилистических оттенков и коннотаций. Функционально-семантический анализ этих значений в поэзии А.С. Пушкина и является целью нашей работы.

Основные функции и семантические роли лексемы *рифма* в поэтических произведениях А.С.Пушкина можно свести к следующим:

1. Употребление в узуальном денотативном значении: *Когда не доставало / Иль рифмы, иль стопы...* («Исповедь бедного стихотворца»); *Отныне в рифмы буду брать глаголы, Мечты, мечты! где ваша сладость? / Где, вечная к ней рифма, младость?; И вот уже трещат морозы<...> (Читатель ждет уж рифмы розы...)* («Евгений Онегин»); *Мне рифмы нужны* («Домик в Коломне»).

2. *Рифма* и производные от нее (*рифмач*, *рифмотвор*) несут ярко выраженную отрицательную экспрессию и употребляются автором преимущественно в качестве маркера посредственных поэтов и плохой поэзии: *яmb охладил рифмача* («Несчастье Клита»); *рифмы плесть* («Другу стихотворцу»); *на рифмах лепетать* («Шишкову»); *ужасный рифмачам мертвец* («Тень Фонвизина»); *он рифмою попрал и вкус и ум* («К Жуковскому»); *модных рифмачей* («Начало I песни «Девственницы»); *безответным рифмачам* («О муза пламенной сатиры!..»); *гроза несчастных, мелких рифмачей, рифмач безрассудный, рифмы заморили, уж рифмами кой-как они бренчат* («Домик в Коломне»); *французских рифмачей суровый судия (в одноименном стихотворении), Мученье модных рифмачей, И нашей братье рифмачам, унылых наших рифмачей* («Евгений Онегин»).

3. В качестве производящей основы для собственных имен, употребленных в сатирической функции – для характеристики литературных оппонентов автора: *Творенья громкие Рифматова, Графова...* («Другу стихотворцу»); *Захочет – сладко спит, / На Рифмова склоняясь / И тихо забываясь; И трубку разжигают / Безрифминым лихим!* («Городок. (К***)»); *И не смел осиплым голосом / С Шапеленом и с Рифматовым / Воспевать героев севера* («Бова. (Отрывок из поэмы)»).

4. В текстах, где речь идет о произведениях самого автора, у лексемы *рифма* появляются коннотации «легкость», «естественность», «игривость», посредством которых Пушкин подчеркивает естественный характер своей поэзии. В стихотворении «Моему Аристарху», дав образ натужно выдавливающего из себя «три ночи сряду» «трестопный вздор» графа Хвостова, автор пишет: *...когда нечаянной порой / Стихи кропать найдет охота <...> / Задумаюсь, взмахну руками, / На рифмах вдруг заговорю.*

Другие примеры употребления лексемы в отмеченном значении: *Люблю в минуту вдохновенья / Небрежно стансы намарать / <...> / Рукой беспечной и ленивой / Разбросив рифмы здесь и там* («Послание к Юдину»); *Вчера мне Маша приказала / В куплеты рифмы набросать* («К Маше»); *Но сон мой тих! беспечный сын Парнаса, / В ночной тиши я с рифмою не бьюсь* («Сон (отрывок)»); *В размеры стройные стекались / Мои послушные слова / И звонкой рифмой замыкались* (Разговор книгопродавца с поэтом); *Давай мне мысль какую хочешь: / Ее с конца я заострю, / Летучей рифмой оперю...* («Прозаик и поэт»); *И мысли в голове волнуются в отваге, / И рифмы легкие навстречу им бегут* («Осень. (Отрывок)»); *Ведь рифмы запросто со мной живут; / Две придут сами, третью приведут* («Домике в Коломне»).

5. Как синоним поэтического жара, мук творчества. В таком значении лексема *рифма* два раза употреблена в романе «Евгений Онегин»: *Тоской и рифмами томим; Любви безумную тревогу / Я безотрадно испытал. / Блажен, кто с нею сочетал / Горячку рифм....*

6. Употребление *рифмы* в значении термина: *За рифмой часто холостой... («Моему Аристарху»); Я не совсем еще рассудок потерял / От рифм бахических... («Дяде, назвавшему сочинителя братом»); То странность рифмы новой, / Неслыханной дотоль («К моей чернильнице»); Вы знаете, что рифмой наглагольной / Гнушаемся мы («Домик в Коломне).*

7. Как метонимическое обозначение поэзии, стихотворной речи. В шутовском стихотворении «Полюбуйтесь же вы, дети...» *рифма* выступает в качестве синонима стихов: *О, какие же здесь сети / Рок нам стелет в темноте: / Рифмы, деньги, дамы эти, / Те, те, те и те, те, те.* В аналогичном значении она употреблена и в следующих примерах: *Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль / Увидеть мне Филлиду эту, / Предмет и мыслей, и пера, / И слез, и рифм et cetera?.. («Евгений Онегин»); Небрежный ваших рифм наследник («Моему Аристарху»).*

В отмеченном значении *рифма* в пушкинских текстах противопоставляется прозе: *Стократ блажен, кто вам внушал / Не много рифм и много прозы. («К. А. Тимашевой»); И наши рифмы, наша проза / Пред вами шум и суета («Е. Н. Ушаковой»); в стихотворении «Увы! Язык любви болтливой...» противопоставлены *темный и простой язык нерадивой прозы и сладкий звон «рифмы гордой.**

8. Как самоценный образ, чаще всего персонифицированный женский: *рифма, звучная подруга; Теряю все права / Над рифмой, над моей прислужницею странной; лета шалунью-рифму гонят.* В стихотворении «Рифма, звучная подруга» автор излагает собственную поэтическую версию происхождения Рифмы: она – *плод восторгов Феба и Мнемозины.* По другой поэтической легенде, предложенной автором в одноименном стихотворении, Рифма – дитя любви нимфы Эхо и бога Феба.

Итак, проведенный в работе семантико-функциональный анализ лексемы *рифма* показывает, что ее объем значений в поэтических текстах А.С. Пушкина гораздо шире и богаче узуального значения этой лексической единицы в русском языке.

Функциональные особенности употребления аллюзивного антропонима в публицистическом дискурсе

Муковоз Анастасия Сергеевна

Соискатель, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аллюзивные антропонимы являются наиболее ярким и показательным примером категории интертекстуальности. Изучение их актуализации становится возможным только в рамках «аллюзивного процесса», представляющего собой многоплановые отношения между производным текстом и текстом-источником. Эти отношения устанавливаются вертикальным контекстом, сформированным аллюзией как стилистическим приемом.

В разных типах дискурса аллюзивные антропонимы выполняют разные функции. Об этом свидетельствуют классификации М.А. Захаровой, Н.Е. Камовниковой, М.А. Соловьевой. Например, для художественного текста характерны следующие функции аллюзивных антропонимов: текстопорождающая, характеризующая, экспрессивная, символическая и интегрирующая. В публицистическом тексте рассматриваемым интертекстуальным включениям свойственны идеологическая, эвфемическая, полимическая функции, а также функция передачи аллюзивным именем собственным специфики национально-культурного менталитета и использование аллюзивного имени собственного в качестве идеологемы.

Последнюю классификацию представляется возможным дополнить, поскольку она охватывает не все типы публицистических текстов. Так, хотя жанр газетного интервью

традиционно входит в группу информационных жанров публицистики, употребленные в текстах-интервью о деятелях искусства аллюзивные антропонимы обозначают определенные фиксированные характеристики номинанта (его внешности, поведения, поступков и каких-либо конкретных ситуаций). А это уже функция художественных текстов.

Такая зона пересечения функций аллюзивных имен в жанре газетного интервью (освещающего вопросы культуры и искусства) объясняется самим характером жанра.

Газетное интервью не только передает аудитории информацию о событиях и явлениях. Эти события в рамках дискурса вводят в информационное пространство «ряд «персонажей», поскольку интервьюируемые разными средствами характеризуются и индивидуализируются» [Романова]. Эти «персонажи» и представляют собой аллюзивные антропонимы, выполняющие характеризующую функцию, присущую художественным текстам.

Между журналистом и его собеседником обычно складываются отношения сотрудничества, чтобы лучше осветить обсуждаемую проблему. Поэтому вступление в спор, открытая конфронтация не требуются участникам диалога. Следовательно, интертекстуальные антропонимы чаще всего лишены тех функций, которые они традиционно выполняют в публицистическом тексте.

Особенности употребления таких аллюзивных антропонимов заключаются в том, что их выбор в современных газетных интервью объясняется авторским опытом. Поэтому практически всегда речь идет о реальных аллюзиях, которые требуют характеристики. Так, Евгений Дога в ответ на реплику журналиста о том, что для большинства он известен как молдавский композитор, говорит: *«Вот недавно я был в одной передаче с Фельцманом, и там меня представили тоже «молдавский композитор». А зачем вы меня одного обижаете, ведь вы же не говорите «еврейский композитор Фельцман». Не говорим же мы «немецкий композитор Моцарт»? Просто Моцарт и все»* [Daily Talking].

Часто участники диалога в интервью пользуются неполными антропонимами, т. е. теми, у которых один из компонентов сравнения представлен эксплицитно. Это может быть либо объект, либо основание сравнения [Соловьева: 100]. Например, журналист Российской газеты актеру Петру Семаку о режиссере Л.А. Додине: *«Ну да, в отличие от многих режиссеров он берется ставить «Короля Лира» не потому, что у него в труппе есть «стопроцентный» Лир (к примеру, у Радлова таковым был Михоэлс), а потому, что эта пьеса вдруг овладела его режиссерской фантазией. Кто сыграет в ней главную роль – для Додина поначалу, как мне кажется, совершенно неважно»* [Российская газета: № 239 за 2008]; основание для сравнения – сходство судеб Лира и самого Михоэлса, а также философское осмысление жизни.

Те аллюзивные имена, которые передаются по разным каналам восприятия, обладают возможностью диффузного употребления, когда интертекстуальное имя собственное называет одно лицо, но при этом служит означаемым для другого (*Лир*). При этом образы, которые могут возникнуть благодаря визуальному каналу восприятия, чаще всего выполняют функцию художественной детали, даже если перед нами публицистический текст.

Таким образом, антропоним, который является вне текста ссылкой, прецедентным именем, предметом словарной статьи, в тексте реализует свой аллюзивный потенциал и становится «моделью мышления человека при познании окружающего мира, человеческих чувств, переживаний, при оценке поступков» [Соловьева: 19].

Литература

Соловьева М.А. Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста. Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.

Романова О.В. Адресованность и интертекстуальность газетного интервью как жанра журналистского дискурса. Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.

Проблема упорядочения ЛСВ многозначного слова в толковом словаре

Ольховская Александра Игоревна

Студентка Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск, Россия

Лексическая полисемия как способность слова обладать несколькими связанными между собой значениями, образующими эластичную семантическую структуру, является наиболее очевидным и универсальным свойством естественного языка. Изучение данного явления имеет долгую лингвистическую традицию - исследованием полисемии занимались такие ученые, как А.А. Потебня, М.М. Покровский, В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий, Д.Н. Шмелев и др. Однако исследовательский интерес относительно многозначности фокусировался в основном на общетеоретических вопросах: обоснование наличия или отсутствия данного явления, его определение в рамках проблемы асимметрии языкового знака, выявление причин его бытования, разграничение полисемии и омонимии и т.д.

Отсутствие достаточного количества практико-ориентированных работ привело к тому, что в настоящее время многозначность является проблемой в первую очередь для ее лексикографирования: до сих пор отсутствует перечень объективных и общепринятых критериев ее лингвоцентрической репрезентации.

К числу основных актуальных проблем лексикографирования полисемантов можно отнести следующие: разграничение полисемии и омонимии, отсутствие общезначимых критериев установления семантического разнообразия слова, неоднозначное отношение к использованию терминов *оттенок значения* и *подзначение*, неясность относительно допустимых пределов семантического стеснения в различных словарях и, наконец, проблема упорядочения ЛСВ многозначного слова. В данной работе нам бы хотелось обратиться к рассмотрению последней из перечисленных проблем.

Традиционная практика представления семантической структуры многозначного слова посредством иерархии и ступенчатой системы нумерации ЛСВ, в общем и целом, базируется на двух обстоятельствах. Во-первых, на существующих в языке между значениями полисеманта степенях связи, среди которых можно выделить слабую степень связи, граничащую с омонимией, нормальную степень связи, которая характеризует большинство ЛСВ, и тесную степень связи, присущую оттенкам значения. Во-вторых, иерархия ЛСВ в словарной статье обусловлена относительной волей лексикографа, который может выбрать один из трех сложившихся принципов упорядочения ЛСВ – исторического, логического или прагматического. Исторический принцип заключается в первоначальном предъявлении этимологически исходного ЛСВ, вслед за которым последовательно репрезентируются производные значения. Логический принцип сводится к индукции ЛСВ, то есть к последовательности ЛСВ от конкретного, частного к абстрактному, обобщенному и переносному, а прагматический – к первичному представлению наиболее актуального для носителей языка значения слова и к дальнейшему предъявлению менее употребительных специальных значений.

Для определения реального положения дел относительно решения проблемы упорядочения ЛСВ полисеманта мы обратились к рассмотрению словарных статей лексемы *волна* в некоторых толковых словарях – в Большом академическом словаре под ред. К.С. Горбачевича, Малом академическом словаре под ред. А.П. Евгеньевой, в Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова и однотомном Словаре русского языка С.И. Ожегова. При этом стоит оговориться, что лишь Инструкция к БАСу содержит указание на избранный лексикографами способ организации слов с полисемией – ведущим принципом упорядочения ЛСВ. В данном словаре был признан такой порядок расположения значений, при котором место исходного значения занимает наиболее употребительное и социально значимое значение для носителей языка, вслед за которым последовательно располагаются менее актуальные значения. Что касается МАСа, словаря Д.Н. Ушакова и словаря С.И. Ожегова, то в концепции данных словарей проблема

структуризации полисемии не получила должного освещения, поэтому говорить о выбранных лексикографами правилах упорядочения ЛСВ можно только на основании анализа словарных статей.

Проделанный анализ позволил сделать следующие выводы относительно лексикографирования полисемантов в аспекте упорядочения семем в данных словарях.

Разработка лингвоцентрической репрезентации семантической структуры многозначности, в частности последовательности ЛСВ, в общепризнанных, имеющих высокий статус лексикографических изданиях, которые зачастую являются ориентирами при создании современных толковых словарей, находится, на наш взгляд, еще в процессе своего развития. Последовательность представления ЛСВ полисеманта часто не базируется на каком-либо логически формализованном принципе упорядочения ЛСВ, в результате чего семемы подаются в спорадическом порядке, что приводит к неточному воссозданию отношений мотивации и взаимосвязи между отдельными ЛСВ, а значит и между отдельными фрагментами языковой картины мира.

Существенным при структуризации семантической стороны полисеманта, по-видимому, является лишь критерий тесной связи ЛСВ, благодаря которому близкие ЛСВ объединяются в так называемые семантические блоки, состоящие из значения и его оттенков, в то время как образование общего прочного стержня семантической структуры слова, который должен базироваться на последовательной реализации одного из трех существующих принципов упорядочения ЛСВ, не происходит в рассмотренных нами словарных статьях.

Прагматический принцип, заявленный в концепции БАСе, и там реализуется непоследовательно из-за отсутствия перечня четких формализованных показателей степени или меры актуальности и социальной значимости значения слова, что показывает субъективно-интуитивный подход лексикографа к упорядочению ЛСВ. Данное обстоятельство вносит определенные затруднения в лексикографическую практику, и это, в свою очередь, свидетельствует о необходимости теоретического разрешения проблемы упорядочения ЛСВ полисеманта, особенно в связи с назревшей проблемой создания антропоцентрического словаря.

От редукции в речи – к лексикализации в языке (о единицах «сверхъядра» русской лексической системы)

Пальшина Дарья Андреевна

Студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

В истории русского языка уже несколько столетий происходит процесс, который можно назвать «аллегрризацией» фонетики (*ваще* – вообще, *те* – тебе, *седня* – сегодня). В последнее время под действием закона экономии речевых усилий этот процесс приобрел особую интенсивность. Звучание аллегрровых, или редуцированных, форм (РФ), зачастую естественнее и привычнее слуху носителя языка по сравнению с кодифицированными: *щас* (сейчас), *тыща* (тысяча), *здасьте* (здравствуйте) и т. п. В редуцированных формах обычно выступают в нашей речи сверхчастотные слова самых разных грамматических классов: существительные (*чек*, *рупь*, *дяинька*), прилагательные (*блаародный*), глаголы (*грить*, *скаать*, *слушь*, *пили*), имена числительные (*тыща*, *пийсят*, *семьсят*), местоимения (*мя*, *тя*, *скоко*, *че-нить*, *ки-т*), наречия и слова категории состояния (*прально*, *тода*, *нуно*, *моно*, *щас*, *неча*), служебные части речи (*кода*, *то ись*), междометия (*здасьте*, *пожалста*), вводные слова (*каэтся*, *моэт быть*, *наэрно*, *кагорится*) и даже целые словосочетания (*вашбродие*, *чесслово*, *бу zde*, *сла-ть господи*, *собсно гря*, *кочегря*). Это единицы так называемого «сверхъядра» (см.: [Богданова]) лексической системы.

Современный русский язык можно представить как систему, состоящую из трех концентрических кругов: *языковая периферия* (лексика редкая, малоупотребительная) –

основной лексический массив языка (ядро системы; лексика частотная, употребительная) – «сверхъядро» (лексика сверхчастотная, сверхактивная). «Сверхъядро» – пласт сверхчастотной лексики, которая устойчиво подвергается в речи сильной редукции и функционирует преимущественно не в своих «идеальных» фонетических обликах, а в редуцированных вариантах, иногда даже более распространенных и узнаваемых, чем «идеальные», «словарные».

На первый взгляд, такие формы являются чисто речевыми образованиями и целиком находятся в сфере устной речи. Однако обращение к материалам Национального корпуса русского языка (НКРЯ) открывает новую сторону жизни в языке данных форм. Оказалось, что они уже давно и прочно заняли свое место не только в устной, но и в письменной форме русского языка, т. е. начали путь к полной лексикализации. Такой путь к получению лексикографического описания преодолели давно вошедшие в русский язык слова типа *спасибо* (из *спаси Бог*), *пожалуйста* (из *пожалуйте, сударь*), *ведь* из *ведать* (*знать*), *почти* из *почитать* (*считать*), *мол* из *молвил* (*сказал*), *дескать* из *де + сказать* и т. п. Анализ материалов НКРЯ показал, что современные РФ находятся на разных этапах движения к новому слову, и позволил выявить своеобразные этапы лексикализации данных форм в языке:

1. Вариативность письменного представления (*че* и *чо*; *моно* и *мона*);
2. Морфологизация: *Вы, ваше вашество, опять торжественно сели в лужу!* [М. Горький. *На дне* (1902)];
3. Дифференциация значений полной и редуцированной форм: *Сам Жора написал где-то к тридцати годам десять рассказов. И с тех пор переиздал их десять тысяч раз, по-разному komponуя и подчас переименовая (так, «Жизнь» превратилась в «Жысь»)* [Топоров];
4. Этап графического сокращения слова: *Сюжет получился не оч. плохой, люди говорят, что нравится* [В. Катанян. *Лоскутное одеяло* (1943-1999)]; *Вот вы, чесслово, оч странные люди* [Слово редактора // *Твой курс* (приложение к «Аргументам и фактам»), 2004];
5. Усиление фонетизации письменного представления: XIX в – *жизьь, болезьь, рубьь*, XX в. – *жисьь, болесьь, рупьь*, XXI в. – *жысьь*);
6. Графико-орфографическое выравнивание (*поал* вместо *по{n}ял*, *слушб* – как *отрежьь, услышьь*).

Процесс лексикализации РФ современной русской речи происходит буквально на наших глазах, о чем свидетельствуют данные толковых и орфографических словарей русского языка: *Вот те на! Вот те раз* [Ожегов: 93]; *Черт-те что* [Ушаков, Крючков: 248]. Вполне возможно, что и другие РФ сверхчастотных русских слов со временем закончат свой путь от редукции в речи к лексикализации в языке, получив соответствующее лексикографическое описание.

Литература

Богданова Н.В. Живые фонетические процессы русской речи (пособие по спецкурсу). СПб., 2001.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1975.

Топоров В. Большая жратва Жоры Жирняго:

<http://www.vz.ru/columns/2008/6/14/177259.html>

Ушаков Д.Н, Крючков С.Е. Орфографический словарь. М., 2007.

О семиотичности концепта «граница»

Попова Екатерина Викторовна

Аспирантка Уральского государственного университета имени А.М. Горького,
Екатеринбург, Россия

«Граница» – концепт, который задает структуры в различных понятийных сферах языкового мышления. Это абстрагированный маркер присвоения и освоения пространства.

Этот маркер дейктивен, т. к. выстраивает пространство вокруг фигуры говорящего (взгляд говорящего направлен на границу «изнутри» замкнутого ею участка ландшафта). Пространство осваивается постепенно, начиная с «дома», ближайших к нему окрестностей до появления представлений о границах государства: «“Большая и прочная” круговая граница, свойственная эпохе государственных образований, составляет лишь внешний круг целой серии более узких “концентрических” границ, как бы вложенных одна в другую» [Топоров: 30].

Топологически же граница представляется как линия: «Понятие “границы” является своего рода техническим термином при экспликации основного набора семиотических оппозиций, характеризующих модель мира (ММ), речь идет прежде всего о пространственных оппозициях – внутренний / внешний, здесь / там, этот мир / тот мир и т. п. Назначение границы очевидно: это линия, которая, собственно, и членит пространство» [Цивьян: 37].

На основе семантического анализа лексемы *граница* в рамках русского литературного языка покажем превращение данного концепта в универсальный маркер, который позволяет субъекту присваивать и осваивать пространство. Слово *граница* в словарях литературного языка имеет несколько значений (они распадаются на три блока: пространственное, отвлеченно-абстрактное, мезуративное). Нас интересует первый из этих блоков – пространственный, связанный развитием семиотической функции данного концепта.

Вот значения лексемы *граница*, представленные в толковых словарях русского языка: «Линия раздела между территориями, рубеж». [Ожегов 143]; 1. «Естественная (как ров, река) или условная линия, разделяющая две смежные земли, области и т. п.; межа, черта раздела. // Линия, разделяющая территории смежных государств; рубеж. // Предел, конец». [БАС III: 368–370]; 1. «Условная линия, разделяющая смежные области, владения, участки, являющаяся пределом какой-л. территории; черта раздела. // Условная линия, разделяющая территории или воды смежных государств; рубеж». [МАС I: 343].

Путем компонентного анализа выделим семы данного значения: *граница* – ‘линия’, ‘делящая (разъединяющая на части)’ ‘(земельное) пространство’.

Вторая и третья семы тесно связаны; атрибут ‘земельный’ является типичным для данной семантики. В рамках первого значения лексемы *граница* объединяются по сути различные его значения. Пространственные компоненты этого значения зачастую подменяются ландшафтными, взаимодействующими с социальной семантикой. Выделим три наивных понимания лексемы *граница*: ландшафтное (концептуализация ограничения конкретной местности); пространственное (граница – линия, делящая пространство); социальное (представление о связи социума и занимаемой им территории).

Трехчастная структура значения лексемы *граница* связана с семиотизацией стоящего за ней концепта.

Реальность ставит перед фактом прямого присвоения, когда основной код – прямая денотативная соотнесенность объекта присвоения и ярлыка. Объект присвоения определяется через другой объект. Первоначальным способом присвоения территории будет ее обживание, обработка. Главную роль здесь будут играть ландшафтные особенности присваиваемого участка. Поэтому маркером присвоения в каждом случае выступит аномальная по отношению к области присвоения ландшафтная структура – «естественное препятствие»: *Два брата съехали у Городца, под Киевом; заключили*

искренний союз и разделили Государство; Ярослав взял западную часть его, а Мстислав восточную; Днепр служил границей между ими [БАС III: 368].

По мере обживания пространства возникает необходимость в искусственных способах его разграничения. Граница становится указанием на смену привычного ландшафта (ограды, межи и рвы). Представления о границе взаимодействуют с представлениями о социальной иерархии (границы осваиваемого пространства функционируют как вещественный текст), то есть происходит складывание обобщенного представления о *границе*, о выделении сигнификата.

Третий этап присвоения – закрепление пространственной организации в пространстве умозрительных знаками языковой системы. В данном случае *граница* – «условная линия деления пространства, осуществляемого социумом, присваивающим данное пространство»: *граница между земельными участками, государственная граница* [Ожегов: 143]: *На границе тучи ходят хмуро, / Край суровой тишиной объят. / У высоких берегов Амура / Часовые Родины стоят* [БАС III: 368]. Эта условность немыслима без создания топонимической матрицы обжитого пространства. Поэтому топонимия выступает универсальным способом присвоения пространства. Но для его применения необходимо социокультурное воспроизведение ярлыков. Только регулярное употребление имени в текстах, порожденных сообществом, его последующая кодификация обеспечивает эффективность применения данного способа присвоения и освоения пространства.

Данная модель семиотизации концепта «граница» не предполагает последовательности выделяемых этапов освоения, они взаимодействуют друг с другом как непеременимые факторы организации пространства, присвоенного конкретным социумом.

Литература

[БАС] – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., 1950-1965.

[МАС] – Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981.

[Ожегов] – Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. М., 1994.

Топоров В.Н. Функция границы и образ «соседа» в становлении этнического самосознания (русско-балтийская перспектива) // Славяноведение. 1991. № 1. С. 29-31.

Цивьян Т.В. Об одном из символов, заключенных в понятие «граница» (от Миорицы до Хармса) // Славяноведение. 1991. № 1. С. 37-41.

Лингвокультурные бинарные макроконцепты «созидание» и «разрушение» в диахронном аспекте

Рожкова Елена Вячеславовна, Рындина Елена Викторовна

Студентки Славянского-на-Кубани государственного педагогического института,
Славянск-на-Кубани, Россия

Предмет исследования – содержание бинарных концептов *созидание-разрушение* в русской культуре по данным этимологических, исторических и современных словарей. Актуальность обусловлена интересом общества и науки к проблемам существования и функционирования культуры, ее аксиологии как центральной сферы, стремящейся к воспроизведению важных ценностных смыслов. На основе лексикографического дискурса словарей разного периода впервые предпринимается лингвокультурологический анализ концептуального пространства бинарных макроконцептов *созидание-разрушение* с целью определения содержания концепта и выявления особенностей концептуальной модели, носителями которой является социум в определенный период времени. Цель работы – выявить круг лексем, репрезентирующих концепт в русском языке на разных этапах его развития, исследовать их лексическое окружение с целью определения содержания концепта и выявления концептуальной модели, носителями которой является социум в определенный период времени. На данном этапе работы для анализа привлекаются

материалы, описывающие древнерусский период, период XIX века и XX-XXI веков. Источники исследования: «Материалы словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, Малый академический словарь, повесть «О Петре и Февронии Муромских». В работе применяются метод концептуального анализа (дефиниционный анализ, контекстуальный анализ, интерпретационный анализ, этимологический анализ). Теоретическим основанием для нашего исследования является концепция Ю.С. Степанова, который определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека; концепт – это то, посредством чего человек – не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов: 1].

Выявление смысловых сфер бинарных концептов по данным словарей разных периодов существования русской культуры и их анализ позволили обнаружить в концептуальном пространстве концептов *созидание* и *разрушение* существенную разницу. Ядерная сфера концептов *созидание* и *разрушение* в древнерусский период представлена семантическим аспектом ‘Бог как активный субъект, проявляющийся через акты создания / разрушения’. При этом все созданное осмыслялось как результат творчества Бога, Тварь (тварный мир). Семантическая сфера концепта ‘человек-создатель’ содержит представление о человеке как ‘субъекте, способном создавать как зло, так и добро’. Добро при этом понимается как основа целостности духовного мира человека, которую обеспечивает незримая его связь с Богом. Анализ текста древнерусской «Повести о Петре и Февронии Муромских» более полно представляет нам вариант лингвокультурологической модели бинарных концептов созидания / разрушения, который был реконструирован на основе дискурса словарных статей словаря И.И. Срезневского. Материал повести помог определить, что бинарные концепты созидание / разрушение являются макроконцептами, в состав которых входят такие бинарные пары, как Бог – дьявол, добро – зло, жизнь – смерть и др.

Дискурс словаря В.И. Даля открыл нам уже иную, измененную концептуальную модель. В смысловом пространстве концепта *созидание* находим семантическую сферу ‘Бог – создатель’, но в пространстве концепта *разрушение* широко манифестирована сфера ‘природа – субъект созидания и разрушения’. Семантическое поле «Духовная сфера» в составе концепта представлено творческой деятельностью человека, где он выступает своеобразным изобретателем, транслирующим духовные реалии из сферы «Идеальное» в сферу «Реальное».

В XX в. на смену концептуальной модели, которую мы рассматривали выше, приходит модель, выражающая материалистическое сознание: *Еще молода была наша планета, и в неуверенных, непрочных и неумелых формах на ней только еще начинала созидаться жизнь*. Повторяющийся возвратный глагол демонстрирует культурный текст о созидании как о процессе самопроизвольном, естественно происходящем, без участия активной воли и активной деятельности. Показательно и лексическое окружение глагола – в неуверенных, неумелых и непрочных формах. Прилагательные *неуверенные* и *неумелые* содержат скрытое значение ‘руки’, ‘субъект’, ибо форма не может твориться сама по себе. И тем не менее новая идеология, пришедшая на смену религиозной, привнесла и новый тип конструкций и словосочетаний. Актуализированы такие семантические компоненты, как ‘изначально наделенные способностью творить и разрушать’, ‘причина’ (потому что мы – рабочие), ‘источник способности’ (сила истории). В новой концептуальной модели семантическая позиция «Бог-творец, который изначально имеет способность творить и разрушать», «Природа имеет способность творить и разрушать» заполняется новым содержанием «Рабочий – субъект, наделенный силою истории способностью разрушать и творить».

Таким образом, сопоставление обнаруженных концептуальных моделей и их языковых репрезентаций определило для нас основные аспекты нашей дальнейшей работы. Тем не менее, в результате исследования стала очевидной непосредственная связь

таких категорий, как модель мировоззрения, текст как способ транслирования смыслов модели, язык как знаковая и кумулятивная система, приспособленная к успешной и многосторонней трансляции актуальных для культуры смыслов.

Литература

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

Социолингвистический аспект изучения прозвищных онимов Буденновского района Ставропольского края

Рожкова Евгения Владимировна

Магистрант Ставропольского государственного университета, Ставрополь, Россия

Неофициальная антропонимическая номинация сопровождает языковую социализацию человека на всех этапах его жизни и во всех сферах его деятельности и активно реагирует в социолингвистическом плане на процессы, происходящие в обществе и в языке. Это проявляется в количественном увеличении прозвищных онимов, в их социолингвистической дифференциации и активизации процессов их создания практически в любом языке. «Прозвища, как никакие другие онимы, особенно насыщены экстралингвистической информацией, и поэтому социолингвистическая интерпретация особенностей их функционирования на конкретной территории является важным дополнением к собственно лингвистическому аспекту их изучения благодаря возможности актуализации семантической многомерности прозвищных онимов как одной из древнейших антропонимических категорий» [Беляева: 123].

В данной статье мы предприняли попытку классификации прозвищ по различным семантическим признакам с учетом социолингвистических параметров, содержащих социальные характеристики самих говорящих: гендер, возраст, общественное положение, профессиональная деятельность.

В результате прозвищ с мужской гендерной маркированностью оказалось больше, чем прозвищ с женской: из 278 прозвищ 214 принадлежат мужскому полу и лишь 64 женскому, что составляет 77% и 23% соответственно.

С точки зрения возрастного параметра, нами выделены следующие группы именуемых:

1) Дети младшего школьного возраста наиболее активно используют прозвища следующих семантических типов: отражающие особенности детской речи (Масюся - так девочка называла маму); прозвища, материалом для которых послужили смешные или курьезные случаи и слова из жизни детей: Бух - мальчик часто падал и не плакал; отыменные прозвища: Маха - о девочке Маше; прозвища, материалом для которых послужили дразнилки, крылатые фразы: Юра-Тюря - о мальчике, не имеющем своего мнения и легко поддающемся чужому влиянию, Светка-Пипетка - об очень маленькой и худенькой девочке, Лариса-Крыса, Янка-Обезьянка (с. Покойное); прозвища, обозначающие персонажей м/ф и м/с: Русалочка - о девочке с длинными волосами (ср. м/ф «Русалочка»), Лунтик - о добром мальчике, готовом всегда прийти на помощь (ср. м/с «Лунтик»), Копатыч - о мальчике по имени Миша (ср. м/с «Смешарики») (г. Буденновск); прозвища, использующие представителей фауны и зоонимы в качестве объектов сравнения: Бобер - выступающие вперед верхние зубы, Мыша - о незаметной, «серенькой» девочке (пос. Катасон);

2) Для детей подросткового возраста наиболее характерны прозвища, появившиеся в результате активной рекламной кампании с помощью СМИ: Чипс, Скелетон - о худеньком подростке, Растишка - о подростке, отличающемся высоким ростом и плотным телосложением (с. Прасковья); отфамильные прозвища: Сухарь - Сухоголовый, Перхоть - Першин (г. Буденновск), Пшенка - Пшеничная, Рюрик - Юрикова; прозвища, связанные с учебной деятельностью: Творог (попробовал на вкус творожистый осадок на уроке химии); прозвища, образованные от фамилий и личных имен по ассоциациям: Копыто от

Коняшин, Шляпа от Шапошникова (с. Покойное), Шоколадка от Бабаевская (с. Красный Октябрь);

3) Молодые люди студенческого возраста активно используют практически все семантические модели субстандартных антропонимов. Кроме того используются прозвища, образованные от слов молодежного жаргона: Ништяк, Нормуль – о людях, любящих повторять эти слова (с. Прасковья), Чики – о симпатичной девушке (Чики - о ком-л., о чем-л. прекрасном, отличном) (г. Буденновск);

4) Среди молодых людей от 25 до 35 лет наиболее распространена семантическая группа прозвищ, отражающих характер поведения, привычки, взгляды человека: Мультифильм (любит шутить), Скулита – о нудном человеке, Рашпиль – прозвище мужчины с очень непростым, даже жестким характером, Деготь (прилипчивый, как смола) – с. Прасковья;

5) Люди зрелого возраста отдают предпочтение прозвищам, образованным от фамилии: Харламян – от Харламова, Сидорчук – от Сидоренко, Скурчиха – от Скурко (с. Покойное) и т.д.

6) Для людей преклонного возраста характерно активное использование прозвищ, отражающих род деятельности человека, специфику его занятий: Прорабка – работала прорабом в совхозе, Пастух (с. Прасковья), а также коллективные прозвища, функцию которых выполняют уличные фамилии.

С точки зрения параметра «социальное положение» в системе субстандартных антропонимов исследуемого региона можно выделить следующие оппозиции: материальное благополучие/неблагополучие: Бог – все идет в руки, все получается, Хозяин – директор совхоза (с. Покойное); Канава, Опоек – алкоголик, Трешка – попрошайка и т.д.; социальный класс/деклассированные элементы: Интеллигент, Колхозник, Паяльник, Пластмассовый (рабочий на заводе пластмасс «ООО Ставролен» в г. Буденновске), Ханурик (вор, пьяница), Тетеха (от «тетеха» - пистолет ТТ в речи криминальных структур) – бандит (пос. Левобережный).

Параметр «вид профессиональной деятельности» характеризуется следующими особенностями: для работников умственного труда характерны прозвища практически всех семантических моделей, в том числе образованные от слов профессионального жаргона: Инвалид – (из жаргона программистов: непонятный, невозможный) – о скрытном, подозрительном человеке (г. Буденновск); Муравей – (из речи коммерсантов: агент фирмы, делающий мелкие вклады «грязных» денег в банки) – о мелочном, подлом человеке. Среди работников физического труда наиболее распространены прозвища, отражающие род занятий индивида, его специальность: Кувалда (работал молотобойщиком в кузнице), Дятел (радист), Самовар (радиотехник).

Литература

Беляева М.Ю. Прозвища как проявления регионального языкового кода // Русский ономастикон Ставропольского края (синхрония и диахрония). Ставрополь, 2008.

Концепт *форма* в философском дискурсе

Ряжских Александра Сергеевна

Студентка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Предметом настоящего исследования является анализ сочетаемости имени *форма* в русских текстах философского содержания и выявление глубинных представлений о феномене, стоящем за данным субстантивом.

Имя *форма* можно отнести к именам-классификаторам двух типов – к тем, которые выражают знаковые отношения, наподобие имен *знак*, *символ*, *эмблема* (в терминологии Н.Д. Арутюновой «семиотические концепты» [Арутюнова: 313]), и к тем, которые, обладая высокой степенью обобщения действительности, служат для классификации

других лексических единиц, наподобие имен *предмет*, *вещь*, *действие* (в концепции Л.В.Кнориной «металексемы» [Кнорина: 112-121]).

По данным толковых словарей [Ожегов], [Ушаков], [Даль] можно выделить общие семантические зоны в интерпретации содержания субстантива *форма* и обобщить их в виде лексикографического семантического инварианта, который отражает сложившееся в коллективном сознании носителей русской культуры представление о данном феномене умопостигаемого мира: 1) 'то, что можно воспринимать визуально (внешнее очертание, наружный вид предмета)'; 2) 'способ существования содержания (приспособление для придания чему-нибудь тех или иных очертаний)'. Следует отметить, что только в словаре Ушакова отмечено такое сугубо «геометрическое» значение имени *форма*, как 'форма в геометрии' («каждый из элементов пространства: точка, линия, фигура и т. п.»).

«Русский ассоциативный словарь» отражает те ассоциации (они располагаются в порядке убывания частотности), которые связаны с именем *форма* в обыденном сознании носителей русской культуры: *школьная, одежды, военная, парадная, спортивная, тела, жизни, правильная, содержания, страшная, шар, армия, война, геометрическая фигура*.

Материалом для анализа содержания имени *форма* в философском дискурсе послужили контексты, взятые из работ русских философов: А.Ф.Лосева, Г.Д. Гачева, Н.А.Бердяева, В.В.Кандинского, Вл.С. Соловьева, С.В.Гальперина, В.В.Налимова, С.С.Аверинцева.

Теоретическая база исследования содержания имени *форма* в избранном аспекте опирается на определения терминов «концепт» и «дискурс», которые сформулировала Л.О. Чернейко. Концепт – это «инструмент моделирования содержания имен, за которыми стоят по-разному воспринимаемые и оцениваемые сущности» [Чернейко 2010]. Означающее концепта совпадает с соответствующей единицей лексикона, а означаемое концепта намного шире наивного понятия, поскольку включает в себя как логическую информацию о внеязыковом явлении, так и сублогическую – сложившиеся в культуре ассоциативные смыслы явления, которые и направляют сочетаемость его имени, и проявляются в ней. Под дискурсом понимается «интерсубъективный мировоззренческий посредник между индивидуальной речью и коллективным языком-кодом» [Там же].

Представление о форме может проецироваться на человека (используется антропоморфный код), что проявляется в следующих имплицитных образах: '**человек вообще**' (*формы ведут свою самостоятельную жизнь и говорят при помощи собственных средств; одинокая форма может существовать самостоятельно*); '**женщина**' (*форма рождает отдельные формы отдельных произведений*); '**враг, противник**' (*все формы пространства вооружены против нас; форма жизни на Западе захватывает чуждую область, теряет силу в своей собственной*).

Если форма рассматривается как объект живой природы (олицетворение), то в этом случае выводятся следующие образы: '**растение**' (*с естественной непреклонностью вырастают одинаковые формы на бесконечно разных почвах*); '**листва**' (*воздухи овевают пространство шелестеньем о новорожденную форму*).

Импликатура '**геометрическая конфигурация**' выводится из контекстов: *Если он /мир/ – материален, то он имеет, например, кубическую или круглую форму и объем; Функция распределения может иногда принимать иглоподобную форму*.

Если сочетаемость имени *форма* направляется реифицированными представлениями, то обнаруживаются следующие образы: '**жемчужина, бусина**' (*вся наша земля и форма нанизана на эту мировую реку*); '**веревка**' (*миф был бы связан навсегда созерцательно-пластическими формами*); '**емкость, вместилище**' (*вливать новую жизнь в абстрактные формы художников; поток мыслей начинает вливаться в это сигнал-форму, как в сосуд*); '**карандаш, кисточка**' (*форма подчеркивает значение цвета; форма имеет целью выделить этот материальный предмет из плоскости, то есть нанести этот материальный предмет на плоскость*); '**интерьер**' (*здесь мы находимся на пороге новой формы эзотеризма; горы не прикрыты уютом форм; жизнь есть HAUS со*

стенами формы); **‘полезное ископаемое, топливо’** (*переработка восточных форм происходила при строгом отборе; где добыть форму*).

В сфере культурных представлений русского философского дискурса имя *форма* связано с разными способами постижения стоящего за ним умопостигаемого феномена: рационального (форма мыслится как способ существования вариативного мира), чувственного (форма мыслится как объект перцепции определенной геометрической конфигурации – куб, круг), «проективного» [Чернейко 2009: 172] (форма как феномен идеального мира мыслится в ее проекциях на эмпирически постигаемые элементы опыта: антропоцентрических – **‘человек’**, **‘женщина’**, реицентрических – **‘веревка’**, **‘емкость’**, **‘топливо’**, **‘интерьер’**).

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека М., 1999.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994.

Кнорина Л.В. Металексика: попытка выделения // Кнорина Л.В. Грамматика. Семантика. Стилистика. М., 1996.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Русский ассоциативный словарь / Под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1994.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1994.

Чернейко Л.О. Лингвистическая релевантность понятия «концепт» // Текст. Структура и семантика. Доклады XII международной конференции. Т. 1. М., 2009.

Ономастическое сознание современного имядателя (на материале эргонимии Красноярска)

Трапезникова Анна Алексеевна

Аспирантка Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

Эргонимия (совокупность собственных имен деловых объединений людей, в том числе предприятий, фирм и т. д.) составляет неотъемлемую часть языкового окружения любого горожанина. Главным условием эффективного функционирования данной группы коммерческих имен в городской среде является тождество замысла имядателя и восприятия онима носителем языка, определение наличия которого предполагает обращение к показателям ономастического сознания номинатора. Реконструкция ономастического сознания именуемого субъекта ведется с помощью метода лингвистического интервьюирования, результатом которого становятся рефлексивные тексты, эксплицирующие номинативный акт в целом, включая мотивационную установку номинатора и прогноз восприятия горожанами созданной эргонимической единицы.

С целью получения рефлексивных текстов в 2008 г. нами был проведен социологический опрос 100 предпринимателей Красноярска, для которого использовалась анкета, состоящая из следующих вопросов:

- 1) Как создавалось название организации;
- 2) Что оно означает;
- 3) Почему было выбрано именно оно;
- 4) Считаете ли Вы его эффективным;
- 5) Предположите, как воспринимают его потенциальные клиенты;
- 6) Какие ассоциации оно должно вызывать у горожан.

По результатам опроса были выделены следующие мотивационные установки предпринимателей, представляющие ответ на вопрос «Почему было выбрано именно это название?»:

- 1) Субъективные мотивационные установки (29% от общего числа);
- 2) Привлечение внимания адресата (19%);
- 3) Стремление создать название, ассоциативно связанное с профилем деятельности компании (14 %);
- 4) Характеристика организации (9 %);

- 5) Обозначение сферы деятельности и местонахождения компании (7 %);
- 6) Случайность выбора (5 %);
- 7) Апелляция к традициям (4 %);
- 8) Отражение внешнего вида здания, в котором находится заведение (3 %);
- 9) Соответствие фэн-шуй (1 %);
- 10) Совмещение нескольких мотивационных установок (9 %).

Анализ рефлексивных текстов показал высокий уровень субъективности процесса современной коммерческой номинации, которая проявляется в: 1) стремлении к прямой самопрезентации («Фитнес-студия Анастасии Гиро», «Амбулатория Тисленко», «Творческая мастерская Гудиной и Антоновой»); 2) косвенной самопрезентации (юридическая фирма «А и Партнеры», рекламное агентство «А плюс К» и подобные), см., например, суждение владельца производственной компании «Дубрава плюс»: *«В названии отражена моя фамилия – Дубровин. Мне показалось, что это очень удачный ход: название ассоциируется с деревом, дубом, а у тех, кто меня знает, – еще и со мной»*; 3) использовании в наименовании реалий, связанных с биографией имядателя (ресторан «Хэйхэ», автосалон «Торус» и др.), см. высказывание директора компании «Бий-Хем»: *«Бий-Хем» – это название футбольной команды, в которой я когда-то играл. Это было лучшее время в моей жизни, и мне захотелось таким образом сохранить память о нем*.

К наиболее редким мотивационным установкам относятся стремление отразить внешний вид здания или особенности интерьера в названии (фитнес-клуб «Гараж», гостиница «Samolet», бар «Чемодан»), апелляция к традициям (агентство недвижимости «Сажень», ресторан «Н.Г. Гадаловъ», рекламная мануфактура «Ять»), а также выбор эргонима «в соответствии с фэн-шуй» (наименование ресторана китайской кухни «Цзи сян»).

Преобладание субъективных мотивационных установок свойственно семиотическому принципу именования, предполагающему создание определенного знака в языковой среде города. См., например, высказывание директора компании «Сисим»: *«Сисим – это река, которая впадает в Енисей. Я по молодости сплавлялся по ней, а когда фирму организовал, надо было назвать как-то – вот мне и вспомнилось»*.

Реконструкция номинативного акта позволила выявить следующие особенности ономастического сознания номинаторов.

1. В 86 случаях из 100 эргонимы разрабатываются предпринимателями самостоятельно, без помощи специалистов.

2. В сфере коммерческой номинации в полной мере проявляется произвольность выбора имени: нами зафиксировано 5 примеров спонтанного именования, в том числе когда название выбиралось под готовую вывеску (например, парикмахерская «Сонет»).

3. Современные имядатели не всегда стремятся прогнозировать восприятие эргонимов горожанами, таким образом, номинативный акт в некоторых случаях не предполагает адресата. По данным нашего опроса, 20 % владельцев фирм не могут даже предположить, как воспринимается название их компании.

4. В 20 случаях из 100 предприниматели затрудняются дать адекватную оценку коммуникативной эффективности ономастической единицы. Так, например, учредитель компании «Граде» предполагает, что название должно ассоциироваться с *«деревом, дубом, изделиями из древесины»*, для горожан же ведущими ассоциациями являются *«строительство, строительная компания»* (37 % от общего количества); *«недвижимость, агентство недвижимости»* (15 %); более 20 % реципиентов затруднились предположить, чем занимается данная компания.

5. Большинство номинаторов (93 %) однозначно считают название своей организации удачным. Например, владелец автосалона «Япона мать» выделяет следующий критерий эффективности: *«Наименование, безусловно, эффективно: наши клиенты рассказывают о столь необычном и задорном названии своим знакомым, что делает нашу фирму более популярной»*.

6. Названия некоторых коммерческих объектов воспринимаются их владельцами не как имя собственное, способное характеризовать фирму, формировать ее имидж и т. д., а как метка, ярлык, чем объясняется нежелание менять эргоним после изменения профиля деятельности организации (см., например, наименование сдающей в аренду склады компании «Гранд-Электро» и продающей сейфы фирмы «Ижица»).

Перечисленные особенности позволяют судить о низком уровне ономастической компетенции некоторых имядателей в процессе коммерческой номинации, что делает необходимым формирование языковой политики в данной сфере.

К вопросу о соотношении билексем и фразеологической единицы

Черкасова Анна Анатольевна

Аспирантка Елецкого государственного университет имени И.А.Бунина, Елец, Россия

Под «билексемами» мы понимаем сложные номинативные единицы, состоящие из двух (или более) самостоятельных слов, соединенных аналитическим (дефиснооформленным) способом, и обладающие «синкретическим (концептуальным) значением» [Хашимов: 37], например: *хлеб-соль, руки-ноги, отец-мать, вагон-ресторан, плащ-палатка, сосед-еврей, дети-сироты, уколы-пилюли, щеки-пончики* и т. п. Это особые номинативные единицы, которые по своим грамматическим, словообразовательным и семантическим признакам отличаются от слов (в том числе сложных слитных единиц), от свободных словосочетаний и от фразеологизмов. На шкале языковых единиц билексем как особые единицы ближе всего располагаются к фразеологизмам.

Билексема, как и фразеологизм, обладает целостным номинативным значением, обозначает одно понятие или реалию. При постоянном компонентном составе порядок компонентов билексем, как и фразеологизма, может быть как фиксированным (*купля-продажа, хлеб-соль, вагон-ресторан* и т. д.), так и свободным: (ср., *помещик-сосед, сосед-помещик, пить-есть, есть-пить* и т. п.; *стучать в дверь – в дверь стучать, сесть в калошу – в калошу сесть* и т. д.).

Общим признаком билексем и фразеологизма является и структурная раздельнооформленность, так как композиты, как и фразеологизмы, имеют расчлененную структуру, то есть состоят не менее чем из двух слов-компонентов, членятся на составляющие компоненты. Компоненты билексем могут склоняться (*вагон-ресторан, вагоном-рестораном* и т. п., *три-четыре, трем-четырем* и т. п.), могут спрягаться (*живется-можется, живешь-можешь* и т. д., *кормлю-пою, кормишь-поишь* и под.). Фразеологизмы характеризуются устойчивостью грамматической структуры, билексем же обладают иной цельностью структуры, которая находит отражение в дефисном (полуслитном) написании. Композит представляет собой целостный фонолексический комплекс, где дефис – знак, сигнализирующий об объединении слов-компонентов в одно графическое и произносительное слово.

Часть билексем обладает признаком регулярной воспроизводимости, это дает основание некоторым ученым рассматривать образования типа *плащ-палатка, вагон-ресторан* «как один из структурно-грамматических типов фразеологических единиц» [Вартапетова: 149] на основании наличия у данных образований фразеологической воспроизводимости и синтаксических отношений аппозитивности. Однако фразеологические единицы функционируют как готовые единицы языка, круг традиционно употребляемых фразеологизмов широк, и в тоже время поддается систематизации. Другими словами, фразеологические единицы больше тяготеют к узуальности, это единицы языка, которые можно лексикографически зафиксировать. Подавляющая же часть билексем (в этом они сближаются со свободными словосочетаниями) не являются готовыми единицами языка, ср., например: *В субботу я пришел к Маринке с цветами-тортом-шампанским и чуть не уронил все это добро...; - Ладно, пилюли-уколы отпадают; Представляю рейтинг поступков-проступков; Да и среди незнакомцев такого добра хватает: скандалистка-кондуктор, нахамивший*

попутчик-пассажир, высокомерный адвокат-консультант, сосед-выпивоха... (Пресс-коктейль. 2010. № 2 (71)). Данные композиты являются окказиональными единицами в том плане, что всегда связаны с текстом и их автором, что каждый раз создаются в соответствии с определенной коммуникативной потребностью по определенным моделям, существующим в языке, поэтому одновременно принадлежат и речи, и языку.

Однако в настоящее время в связи с усилившейся компьютеризацией, интеллектуализацией человеческой деятельности в номинативный фонд русского языка входят большое количество новых композитных номинаций, обозначающих новые реалии, предметы или явления. Эти единицы кодифицируются в словарях новых слов, функционируют в качестве единиц языка: *джинс-центр, интернет-кафе, интернет-пират, шоп-тур, бизнес-элита* и т. п.

Таким образом, билексема – это особая номинативная единица языка, имеющая общие признаки с фразеологической единицей, но отличающаяся от нее. Билексемы и фразеологизмы противопоставляются не только по признакам относительная цельноформленность / раздельноформленность, но и в функциональном плане: фразеологизмы – единицы языка, билексем же обладают функциональным дуализмом, поскольку часть композитов создается в речи (большинство остается фактом речи), часть билексем закрепляются в сознании носителей языка (становится фактом языка) и фиксируется в толковых и специальных словарях русского языка.

Литература

Хашимов Р.И. Билексема как особая единица языка // Вопросы филологии. 2008. № 4. С. 30-38.

Варпанетова С.С. Об отграничении фразеологических единиц аппозитивного типа от сложных слов // Вопросы фразеологии. Вып V. Ч. II. Самарканд, 1972. С. 145-149.

О некоторых расхождениях в понимании русских и персидских аспектологических терминов

Шейхи Джоландан Нахид

Аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Категория вида в русском языке – это один из многоаспектных, наиболее спорных и недостаточно разработанных разделов русской грамматики, при этом одним из перспективных аспектов исследования является изучение данной категории в сопоставлении с другими языками, как близкородственными, так и неродственными. Наш доклад посвящен вопросу несоответствия русских и персидских терминов, вызывающему большие трудности при переводе.

Как известно, русская и персидская грамматическая традиция используют в сопоставительных исследованиях определенный научный аппарат. Задачей нашей работы является сравнительный анализ именно аспектологических терминов, применяющихся в русском и персидском языках. Материал излагается на основе сопоставления этих терминов, что позволяет показать сходства и различия в обозначении характера осуществления действия в обоих языках. Мы постараемся рассмотреть здесь лишь некоторые кажущиеся нам наиболее существенными расхождения в употреблении таких широко употребительных в грамматиках разных языков аспектологических терминов, как аорист, перфект, имперфект и др. Например Ю.С. Маслов и А.В. Бондарко, характеризуя обобщенно-фактическое значение НСВ, используют термин «аористическое значение». Утверждается, что в прошедшем времени обобщенно-фактический тип выражает аористическое значение, обозначается сам факт действия в прошлом, безотносительно к его единичности или повторяемости, локализованности во времени или нелокализованности, длительности или кратности. В контексте содержится лишь само указание на наличие или отсутствие действия в прошлом (было оно или не было). Оно

представляет собой сочетание обобщенно-фактического частного значения несовершенного вида с темпоральным признаком отнесенности действия к прошлому. [Бондарко 1971: 84].

При этом важно отметить, что термин «аорист» в персидском языке не соответствует традиционному значению в русистике этого термина, обозначающего видо-временную форму недлительного действия, полностью относящегося к прошлому, а является обозначением одной из временных форм сослагательного наклонения и обозначает действие безотносительно к его результату. Кроме этого аорист может употребляться для выражения косвенного повеления, приказа (beravim ‘пойдемте’, ‘пошли’, ‘идемте’). Аористическое значение несовершенного вида в персидском языке полностью совпадает с конкретно-фактическим значением совершенного вида в прошедшем времени.

Таким образом, при проведении русско-персидских сопоставительных исследований необходимо обязательно учитывать расхождения в смысловой наполненности и особенностях употребления аспектологических терминов в двух языках.

Литература:

- Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М., 2002.
Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.